

Ник ПЕРУМОВ
М И Р Ы

Ирина
ЧЕРКАШИНА
ЗВЕЗДА ТВОРЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Ирина Черкашина
Звезда творения
Серия «Миры Ника Перумова»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811528
Черкашина И. Звезда творения : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64036-2

Аннотация

Если бы Галина, эксперт-искусствовед, знала, чем обернется для нее визит в провинциальный музей, она бы никогда туда не поехала. Казалось бы, чего проще? Оценить подлинность полотен полузабытого художника Порфирия Бесчастного и вернуться домой. Но откуда ей было знать, что маленький российский городок стоит на грани катастрофы? Слуги Хаоса готовят кровавый обряд. Аррет, мир-свалка, кривое отражение Земли, ждет за близкими воротами. Древний маг, заточенный в подземелье, плетет свои интриги... Бури, бушующие в Упорядоченном, приходят в наш мир. Кто сумеет разобраться в происходящем? Кто встанет на пути у Хаоса? Галина понимает, что, кроме нее, некому. Но не слишком ли дорого заплатит она за свой выбор?

Новая битва за Упорядоченное в проекте «Ник Перумов. Миры!»

Содержание

Галя, 18 июня	6
Рейнгард, 18 июня и давным-давно	10
Галя, 18 июня	14
Рейнгард, 18 июня и давным-давно	24
Галя, 18 июня	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ирина Черкашина Звезда творения

На нашей планете, на родной Земле, никто не верит в магию. И совершенно справедливо. Ее нет, убеждены мы, что абсолютно верно. А потому самый лучший способ спрятать магию – это кричать о ней на каждом углу. Все равно никто никогда не поверит.

Дебютный роман Ирины Черкашиной «Звезда творения» начинается у нас на Земле. На привычной нам всем планете, в узнаваемых реалиях современной российской жизни. Главная героиня, Галина Корякина, молодая девушка «с интуицией», приезжает в Северо-Каменск, провинциальный русский городок где-то на Урале. Приезжает как агент, чтобы купить картину Порфирия Бесчастного, художника оригинального, но известного только «на местном уровне». Картина заказана анонимным покупателем, наверное, богатым и эксцентричным коллекционером. И называется «Хаос».

Вместе с Галиной читатель пройдет по тихим улочкам Северо-Каменска. Это только на первый взгляд кажется, что здесь все покрыто пылью, тоскливо, скучно и ничего не происходит. Как же «ничего», если в местном Доме культуры совершенно открыто собирается «Братство Магов Хаоса», и никого, судя по всему, это не волнует?

А, собственно говоря, почему должно волновать? Разве удивляемся мы при виде рекламы «потомственных ясновидящих», «колдунов в десятом поколении», гарантирующих снятие порчи, очистку кармы, возврата любимого или всяческие неприятности злой разлучнице?

Прячь лист в лесу, песчинку – на морском берегу... Да, у нас какое угодно «братство» может снять зал и проводить там какие угодно «сеансы». И потому скептическая современная девушка Галина Корякина ничуть этому обстоятельству не удивляется.

«Фокус, гипноз, обман», – повторяет она себе, сталкиваясь с тем, что «Братство Магов Хаоса» называет чарами. Но потом оказывается, что за этими «фокусами» кроется нечто большее.

И вновь дорога приводит нас к развилке. Как современному человеку относиться ко вторжению чудесного и необъяснимого в свой привычный мир? Каждый отвечает по-своему. Кто-то – как многие члены «Братства Хаоса» – пытается половить рыбку в мутной воде. Мол, как там оно еще обернется, а вот ежели с помощью этой магии можно циферки в отчетике подправить – совсем другое дело.

Хаос, как всегда, честен. Он дает ровно то, что обещает. И собирает тех, кто этим соблазнится, объясняя себе все «жизненными обстоятельствами». Именно в этом мощь Хаоса, причина того, что он почти непобедим.

Непобедим – но все-таки «почти». Хотя кажется – ну почему бы и нет? Ведь «большого вреда» от этого не воспоследует. Кто-то все равно бы умер, так почему б не принести его в жертву? Да и вообще, жизнь вокруг скотская, а потому «умри ты сегодня, а я завтра»...

Героиня книги Галя Корякина – совсем не героиня. Она не размахивает мечами, не владеет никакими боевыми искусствами, не разбрасывает играючи десятки противников и не овладевает в единый миг смертоносной магией. Она уязвима, Хаос знает ее слабости и нужды и... на самом деле готов помочь. И сдержит слово. И дарует взамен ту самую безграничную свободу, воплощением которой его считают иные ревнители.

Для этого нужна сущая малость – считать достойным жизни и счастья лишь самого себя.

В это так легко поверить – в свою избранность, особость, инаковость. В нашем мире так мало добра и радости, что приходится... изобретать суррогаты. Вот почему у Хаоса столько помощников, добровольных и фанатичных.

Древние маги Хаоса стремятся вернуться обратно, в Упорядоченное, откуда некогда пришли. Разлом, гибель нашего мира – вот цена их свободы. Но как трудно разглядеть их цели за той сиюминутной выгодой, которую так хорошо научился предлагать людям Хаос...

В романе ему противостоят такие, как Галина. Неидеальные, зачастую – неправильные, ошибающиеся и платящие за свои ошибки. Они проиграют в открытом столкновении, и потому их оружие – хитрость. Не дать свершиться непоправимому, не дать освободиться заточенному под землей злу – цель превыше сил и возможностей обычного человека. Но ее нужно достичь – чтобы человеком оставаться и дальше.

«Звезда творения» – о делах нашей Земли. Мира, где не верят в магию, но где совершенно комфортно будет чувствовать себя любое «Братство Хаоса» или «Орден великих вампиров».

Прячь листья в лесу...

Ник Перумов

Галя, 18 июня

Антон хотел, чтобы мы привезли картину в течение трех дней. Так он договорился с клиентом, а слово клиента – свято, до тех пор пока он платит.

Ждать клиент ни в какую не соглашался. Это было плохо, потому что моя маленькая «Тойота» только позавчера отправилась в автосервис – менять многострадальный задний бампер и выправлять вмятину на левом крыле. А свой новенький «Ровер» Антон мне не дал... Поэтому пришлось спешно покупать билет на поезд и трястись целую ночь в душном вагоне – в нашем маленьком бизнесе я всегда вступала в игру первой. Виною тому мой талант... или проклятие – это уж с какой стороны посмотреть.

В том, чтобы доставить заранее оговоренный заказ в течение трех дней, в общем, я не видела ничего необычного. Мы с Антоном сами не любители тянуть время, потому что нам тоже не хочется лишнего риска. Обычно все проходит гладко, Антон умеет работать с людьми. И в сроки мы укладываемся – если, конечно, не возникнет форс-мажора или продавец не перенервничает и не начнет делать глупости. Это иногда бывает, особенно с людьми неопытными и патологически честными. Наш продавец, кстати, когда-то уже работал с Антоном и не должен был слишком беспокоиться. Но как все обернется на самом деле, я заранее никогда не знала, и мне это нравилось.

Ехала я в плацкарте – купейным вагонам не доверяла, а в автобусе меня всегда мутит. Для полного счастья мне досталось боковое место, и теперь я сидела за столиком, открыв нетбук, читала биографию живописца, смотрела репродукции и терпеливо сносила тычки от всех проходивших мимо пассажиров.

Антон утверждал, что никаких проблем с заменой и доставкой не должно возникнуть даже на горизонте, настолько эта картина была малоизвестна... Нам заказали полотно Порфирия Бесчастного – художника-самоучки родом из провинциального Северо-Каменска. Он всю жизнь проработал горным инженером на медных рудниках и умер – точнее, пропал без вести – во времена Гражданской войны. С тех пор его полотна пылились в запасниках местного художественно-краеведческого музея. Бесчастный и не выставлялся нигде, кроме родного города. Заказать одну из его картин – все равно что страстно возжелать в личную библиотеку сочинение пятиклассника из соседней школы. Это если основной ценностью полотна считать известность живописца. Если же смотреть на ценности другого плана... Бесчастный, конечно, не был техничным художником. Рисовал он слишком наивно, слишком символично, слишком отвлеченно для того, чтобы его поняли. Смысл его картин нуждался в дополнительном раскрытии, толковании – и в этом он опередил свое время. А еще в его работах чувствовалась странная притягательная сила. И тот скрытый пласт, отпечаток личности – словом, то, что я умела воспринимать, а все остальные нет, – вот этот не считаваемый человеческим сознанием слой полотна потрясал. Я один-единственный раз видела картину Бесчастного в антикварном салоне в Екатеринбурге и отпечаток личности художника, ауру, биополе – назвать это можно по-разному – запомнила крепко. Порфирий Бесчастный был очень нестандартным человеком. Может быть, даже не очень здоровым.

Клиент заказал у нас одну из самых странных картин этого странного художника – «Хаос». Даже плохая репродукция производила впечатление – а других репродукций я не нашла. Эта была скопирована с сайта Северо-Каменского музея.

Я вздохнула и еще раз открыла нужный файл в нетбуке. Поначалу полотно казалось мешаниной разноцветных точек: красных, синих, желтых, черных... Спустя минуту взгляд начинал выхватывать из пестроты знакомые контуры: вот дом, вот дерево, вот человек... вот какое-то фантастическое, несусветное животное... Контуры множились, сливались, перетекали один в другой – и через пять минут вы отворачивались, чувствуя, как кружится голова.

Думаю, что, если пересилить себя и смотреть на картину подольше, можно увидеть в ней что угодно. Только это пока никому не удалось.

Оригинал полотна хранился там же, в Северо-Каменске. Жаль, что электронная копия не несла в себе отпечатка мастера. А то бы и ехать никуда не пришлось... Антон много раз пытался выяснить, как именно я определяю, кому принадлежит то или иное произведение искусства, но мне и самой трудно это объяснить. Нет никакого голоса, шепчущего в голове, никакого цвета, никакого звука. Есть просто *ощущение*, невыразимое словами. Чувство соответствия или несоответствия. Пожалуй, ближе всего к нему могла бы быть интуиция, но ведь интуиция порой лжет. А мое шестое чувство не солгало ни разу.

Бывало, что мы с Антоном рисковали, но риска я не любила. Нет, не так, – я не любила пустого риска. Мне нравилось время от времени щекотать нервы, ездить в разные города, общаться с людьми и при этом хорошо и без напряжения зарабатывать.

А главное – никакой ответственности. Одно название – эксперт... Через два года после университета. Но ни заключений писать, ни подписей на них обычно мне ставить не приходилось. Мы с партнером занимались тем, что можно назвать подпольной экспертизой. Я оценивала те вещи, о которых по правилам следовало бы сразу сообщать в полицию, а Антон находил нам заказчиков. Иногда он и сам подряжался на какое-нибудь непьющее дело, вроде нынешнего. Я должна была оценить полотно и ситуацию на месте, пообщаться с продавцом – а потом на сцену выходил мой партнер с профессионально сделанной копией. И все. Кому придет в голову проверять на подлинность полотно очень, очень малоизвестного и непрофессионального живописца? Если кому и придет, то весьма нескоро.

Я снова уставилась на репродукцию и потеряла лоб. То ли «Хаос» так на меня подействовал, то ли недосып – голова кружилась. Всегда завидовала людям, которые хорошо спят... А уж те, кто умеет заснуть в душном, переполненном вагоне, – вообще счастливицы. Я сплю чутко, поэтому ночь в поезде, да еще в июньскую жару, стала для меня чем-то вроде пытки бессонницей.

Я в раздражении отвернулась к окну. Мимо бежала темная буреломная тайга, временами сменяясь болотами или гранитными растрескавшимися скалами. Рисовал бы Бесчастный тайгу – и проблем бы не было у него ни с заказчиками, ни с выставками. Давно бы половину наследия распродали антикварам...

В конце концов я сдалась, закрыла файл и отключила нетбук. Убрала его в дорожную сумку и достала оттуда прихваченную вчера из дома бутылку минералки. Головокружение понемногу отпускало.

Ненавижу поезда. Больше ненавижу только автобусы с их удушающим запахом выхлопных газов и перегретого кузова. Хорошо, что надо мной, на верхнем боковом месте, никто не ехал. Никто не скакал мимо меня вверх-вниз, не присаживался на край моей постели, не шуршал пакетами с едой. В купе напротив, к счастью, сидели довольно спокойные люди: две торговки с безразмерными сумками и мужчина в мятом костюме, похоже, командированный. Он от самого Екатеринбурга лежал на верхней полке, отвернувшись к стене.

Поезд замедлил ход. Лес расступился, мы проезжали полустанок: выросший в землю белый домик с новой табличкой «Черемухи» на фасаде и несколько огромных, колышущихся под ветром деревьев. Наверное, те самые черемухи, в честь которых это место и назвали... Поезд плавно прошел мимо полустанка, а потом снова прибавил скорость, догоняя упущенное время. Я хорошо помнила список станций – за Черемухами следовали еще два полустанка, Старый Рудник и Вагран, и только потом большая станция Северо-Каменская, пункт моего назначения. Хотя не такая уж она большая. Это только если с Черемухами сравнить...

Когда-то, лет сто назад по моему личному летосчислению, мы с мамой жили в Северо-Каменске. У нас даже остались там родственники – и мне вчера пришла в голову отличная

идея пожить пару дней у них. Теперь меня там ждали... Я помнила город довольно плохо. Мы уехали оттуда, когда мне было семь лет. И ни разу не возвращались. Сейчас мне смутно, как во сне, представлялись крутые улицы, застроенные сталинскими трехэтажными домами, высокие тополя, старые, пронзительно дребезжащие трамваи и стальная гладь заводского пруда... В детстве мне там нравилось. Сейчас, наверное, все покажется совсем другим.

Поезд снова замедлил ход. За окном проплывал следующий полустанок, Старый Рудник, почти неотличимый от Черемух. Разве что вместо черемух возле станционного домика качались на ветру сосны, а между ними протекал небольшой, заросший осокой ручей.

Я потянулась за сумкой – достать пачку крекеров, но в этот самый миг вагон тряхнуло на какой-то особенно крутой стрелке. Я охнула, потеряла равновесие и боком вывалилась в проход, прямо под ноги идущему мимо пассажиру.

Мужчина в белой рубашке удивленно посмотрел на меня сверху вниз. В руке он держал керамическую кружку с кипятком – и как только не ошпарил меня от неожиданности... Торговки в купе тоже уставились на меня и замолчали. Я успела обрадоваться тому, что не свалила на себя еще и незнакомца с кипятком, прежде чем краска жгучего стыда начала заливать щеки. Бутылка с водой опрокинулась и каталась по столику, отчего на пол периодически выплескивалась минералка.

– Извините, – выдавила я, пытаюсь подняться. Вагон болтало, как парусник в девятибалльный шторм.

Мужчина поставил кружку на столик, наклонился и протянул мне руку. Я ухватилась за нее – теплую, уверенную, – и он помог мне подняться.

– С вами все в порядке? – спросил он. Я кивнула, стараясь не глядеть ему в лицо. Щеки, кажется, готовы были воспламениться. – Помощь вам не нужна?

– Нет-нет, спасибо.

Он потянулся за своей кружкой, и я подняла на него взгляд. Ох... Лучше бы я этого не делала. Из-под ворота его рубашки выскользнула подвеска: не крестик, не образок, а звезда размером с пятирублевую монету. Я уставилась на нее – и ощутила резкий приступ головокружения. Ничего подобного мне ни разу не попадалось. То есть форма-то была знакомая – Звезда Хаоса, такую любят использовать оккультисты разных направлений. Ничего страшного или потустороннего в ней нет – хотя оккультисты, разумеется, утверждают обратное. Но впечатление, которое производила именно эта вещица... Она пугала, она казалась ненормальной, неправильной. Колючей. Ледяной. Я смотрела на подвеску всего несколько секунд. Но этого хватило, чтобы запомнить ее с болезненной четкостью.

Перед моими глазами качнулась восьмилучевая серебряная звезда, грубоватая, ручной чеканки. Она висела на тонком кожаном шнурке. Точнее, металл только выглядел как серебро – шнурок слишком сильно натягивался под тяжестью подвески. Лучи ее представляли собой стрелы, направленные в разные стороны, а в центре звезды мерцал алый рубин-кабошон. Красный, как артериальная кровь. Бр-р... Ненавижу кровь!

Звезда качнулась перед глазами раз, другой, а красный огонек внутри камня следовал за моим взглядом, как чужой зрачок. К головокружению немедленно прибавилась тошнота.

– С вами все в порядке?

Я сморгнула и оторвала взгляд от звезды. Незнакомец терпеливо смотрел на меня – глаза у него были светло-карие, орехового оттенка. Спокойные и внимательные. Мужчина, спохватившись, быстрым движением убрал подвеску обратно под рубашку. Господи Боже мой, для чего он это носит на себе? И что оно такое?

Мир потихоньку переставал кружиться. Нет, определенно, есть вещи, в которые лучше не лезть. Например, лучше не планировать кражу «Моны Лизы» из Лувра. Или не спрашивать у незнакомого человека, что это такое страшное висит у него на шее. Еще ответит...

– Да, – твердо сказала я. – Все хорошо. Просто я ударилась, когда упала.

– Будьте осторожны, – мягко сказал мужчина и ушел в глубь вагона. Я мрачно проводила взглядом его белую рубашку. Надо же, какой франт, в поезде выглядит как на деловой встрече, только без галстука.

Трясущимися руками я подняла бутылку с остатками воды, закрутила крышку и пошла просить проводницу, чтобы она убрала со столика минеральное море.

Поезд прибывал в Северо-Каменск около часа дня. К тому времени я успела успокоиться, еще раз обдумать свои дальнейшие действия и уснуть. После случая с подвеской голову словно ватой набили. Я задремала на несколько минут, когда поезд уже подходил к станции и мимо окон проплывали целые районы разнокалиберных садовых домиков.

И увидела сон, причудливо смешавшийся с явью.

Во сне я тоже ехала в Северо-Каменск. Поезд быстро миновал лесной массив, железнодорожный переезд и насыпь, с которой виден был пруд, плотина и смутные силуэты заводских труб на другом берегу. Я смотрела за окно и узнавала перрон, с которого уехала еще ребенком. Состав шел медленно, я видела смутно знакомые лица встречающих и здание вокзала с облезлыми буквами «Северо-Каменск» на фасаде. Меня не оставляло ощущение, что этот город – карточный домик, который может обрушиться от малейшего дуновения воздуха. Внутри зрело предчувствие надвигающейся беды... И вдруг поезд резко остановился, зашипев тормозами. Меня швырнуло вперед... Где-то закричали, заговорили люди, пассажиры бросились бежать к выходу, толкаясь в узком проходе. Я шла последняя, медленно и словно против воли, как это часто бывает во сне. Люди бежали по высокому перрону к локомотиву, возле которого собралась целая толпа. Я проталкивалась через толпу, чувствуя, что не нужно этого делать, но не имея сил повернуть назад. Не помню как, но я оказалась на краю перрона. Внизу, на рельсах, ярко блестящих от солнца, кто-то лежал. Шпалы были залиты чем-то темно-красным. Я прикрыла глаза от яркого света и всмотрелась, замирая от ужаса.

Там, внизу, наполовину скрытая закопченным отбойником локомотива, лежала я сама. Я узнала свою голубую футболку, бусы из розоватого перламутра, которые были на мне сегодня, узнала свои волосы, теперь спутанные и испачканные кровью. Несколько секунд я бессмысленно глядела сама на себя, потом все-таки отвела глаза – и едва не завизжала.

У локомотива вместо передней фары едва светился огромный тускло-алый рубин-кабошон, а вокруг него чем-то таким же темно-красным были намалеваны восемь разбегающихся лучей.

Хрипловатый голос ясно и спокойно сказал за моей спиной: «Дайте мне крови! Больше крови!» И перрон затрясся, заходил ходуном, сбивая людей с ног и сбрасывая их вниз, на рельсы, под железные колеса локомотива. А локомотив вздохнул, как огромный зверь, и издал пронзительный гудок. Это было так жутко, что я проснулась, все еще слыша эхо собственного крика. Поезд дернулся и остановился у перрона в Северо-Каменске.

Рейнгард, 18 июня и давным-давно

Мне постоянно приходится напоминать себе, как велика вселенная. Бессчетные годы, проведенные в заточении, одиночество и тоска сводят меня с ума. Люди, которые приходят сюда и приносят надежду на освобождение, – слишком ненадежный якорь в темном море безумия. Они слабы и глупы, они знают лишь один-единственный мир, тогда как миров в Упорядоченном мириады. Они даже с магией не знакомы... Каждый день я заставляю себя мысленно возвращаться туда, где не был уже многие столетия. Убеждать себя, что место, единственно мне родное, – существует. Что хрустальные сферы миров все так же бродят в безбрежном океане Междумирья, что в складках Межреальности по-прежнему прячутся чудовища, а по туманным тропам путешествуют маги и сущности, которым до сих пор нет названия. Я вспоминаю, как кружится голова, когдаходишь в новый мир, как сладок его ветер, как изменчиво небо. Как манят и пугают загадочные бездны закрытых миров... Я воскрешаю в памяти красные стены замка Брандей, когда он в своем блеске возвышался над бурным морем Упорядоченного и стаи радужных цикад носились над его черепичными крышами. Вспоминаю лица друзей и врагов. Прекрасный в своем безумии Хаос, который мне посчастливилось увидеть. Я все еще помню, как пьянит Сила, текущая сквозь тело. Как легко плетутся заклятия, когда Хаос рядом, как падают враги...

Иногда это невыносимо, но я заставляю себя жить. Каждый день... Хотя уже сколько столетий я не видел дневного света!

Будь проклят этот мир... Только память не дает мне сойти с ума. Только память, жажда мести и воля. Те, по чьей вине я заточен в своей мертвящей темнице, – о, как пожалеют они, когда я вырвусь на свободу! А я вырвусь. Мысль о том, что это время близко, наполняет меня силой и желанием жить.

Память – вот мое спасение и мое проклятие. Каждый миг я цепляюсь за нее, и она безжалостно возвращает меня в то время, когда я был свободен, когда я ошибался и думал, что могу себе это позволить. Увы, расплата оказалась слишком жестокой, и не только для меня. Мои соратники, бывшие рядом в момент катастрофы, – они заплатили за наши ошибки ту же страшную цену. Я вспоминаю их тоже. Иногда мне кажется, что я ощущаю их – слабо, на грани чувствительности. Жестокий и насмешливый Схарм... огненная Кали... прекрасная Лероннэ... Кишштиф, Юргнорд, Дарнар и другие... даже трус Зафир... Где они все? Сумел ли кто-то из них выбраться? Я уверен, что нет, иначе помощь уже пришла бы. Поначалу меня страшно угнетало осознание того, что и я, Рейнгард Огненный Лис, попался в собственную ловушку. Я никогда не отличался силой, зато брал хитростью. Сила бессмысленна без ума, без умения приложить ее правильно. Я всегда был уверен, что, опираясь на свою изворотливость, сумею с легкостью выбраться из любой, даже самой безнадежной переделки. Увы... Ни сила, ни хитрость, ни способность подчинять себе чужую волю – ничто не помогло мне быстро порвать давящие путы моей магической тюрьмы. Но всему на свете приходит конец, а терпение – сила превыше многих.

Мой Учитель Макран, помнится, любил повторять, что на всякую силу всегда находится противодействующая сила. А еще, что истинный владыка Упорядоченного – время. Оно противоречиво и непредсказуемо, Река его бурлива, но пойти против его течения порой не могут сами Боги. Что ж... Мой Учитель, да пребудет светлой его память, глупцом не был. Он знал, о чем говорил. Прошли столетия, прежде чем я обрел не призрачную, а вполне реальную надежду на спасение. Люди слабы и глупы... но сейчас только они могут мне помочь.

А ведь как все хорошо начиналось! Мы нашли этот мир – идеальный, как нам тогда показалось, для наших целей. Миров, полностью закрытых от магии, в Упорядоченном не

так уж много. Среди других они – словно темные плевелы среди россыпи золотистых пшеничных зерен... Откуда они взялись, для чего созданы Творцом – никто не знал тогда, да и сейчас не знает. Никто никогда их не исследовал – а все потому, что отсутствие Силы сразу делало мир ущербным, неинтересным для любого мага.

Хорошо помню Совет, который собрался под прозрачной крышей Хрустального Зала на Брандее. Я был тогда так молод... И как все это было давно... Макран в первый и единственный раз привел меня тогда на Совет как своего Ученика. Я стоял за его креслом, выточенным из алмазного дерева, трепеща, и не смел поднять глаз. Половину заседания изучал прозрачные прожилки на сверкающей древесине спинки... Об руку с Учителем сидела Эстери – черноволосая, прекрасная и недоступная, как звезда на небесной сфере. Остальные расположились вокруг круглого стола, тоже сработанного из драгоценной прозрачной древесины. Столешница была инкрустирована схематической картой Упорядоченного. Только очертания и можно было узнать: вот Хьервард, вот гроздь ключевых миров, вот Обетованное с дрожащей звездой Источника Урд, вот ожерелье Верхних Миров и выпуклая линза Нижних, с темным Кипящим Котлом, вот Источник Мимира, а вот пустое пространство Дна Миров...

– Итак, мы получили вызов от наших бывших друзей, – спокойно сказал Шендар, ставший официальным Главой Совета после исчезновения Мерлина. Надо сказать, предательство Мерлина сильно пошатнуло уверенность в себе у некоторых членов Совета. Но как бы ни был влиятелен и умен Мерлин, все же его влияние не шло ни в какое сравнение с животельной силой Хаоса, дававшего Брандею и его магам неограниченный кредит в обмен на службу.

– Мы давно обнаружены, – продолжал Шендар, – Хедин искал нас долго и наконец нашел... но сейчас не лучшее время для битвы.

– Почему? – звездноокая Эстери повернула голову, иронически изгибая бровь. Я хорошо видел ее чеканный профиль. – Хедин и Ракот все равно вынудят нас принять бой. Не лучше ли сделать это сейчас? Сил у нас достаточно.

– Сейчас они сильнее, – терпеливо ответил Шендар. – Наши бывшие... соратники... Хедин и Ракот, эти *Новые Боги*, хоть и связаны Законом Равновесия, но они все-таки Боги. А мы – нет.

– И что ты предлагаешь? – Гиассара, сидевшая напротив Макрана, резко подалась вперед. Волосы цвета пламени взметнулись над сверкающей столешницей, отразились в ней внезапной вспышкой. Я поспешно отвел глаза. – Опять бежать? Мы уже не успеем.

Шендар холодно улыбнулся. Столько ненависти было в этой улыбке, что я мысленно содрогнулся.

– Мы навяжем этим... *Богам*... свои правила. И переиграем их.

– И каковы же будут наши правила?

– Для начала – потянуть время. Нам нужно совсем немного времени, чтобы завершить работу над оружием, способным лишить сил даже Богов. – Шендар снова улыбнулся. – Для этого мы предложим обмен. Никто не забыл о прекрасной Сигрлинн?

Члены Совета промолчали. Мне показалось, что они так никогда и не оправались от раскола, уничтожившего их Поколение, и все до единого в глубине души сожалели об утраченном миропорядке. Даже холодный Шендар. Что до меня, то я почти не застал владычества Молодых Богов, а потому ни о чем не сожалел.

– Пусть они думают, что мы испуганы, – продолжал Шендар. – Пусть решат, что мы слабы и не представляем опасности. Пусть волнуются за жизнь драгоценной Сигрлинн. Пусть даже следят за нами – это уже не важно.

– Насколько я знаю своего врага, Шендар, его не смутит даже угроза потерять свою возлюбленную, – заметил Макран, усмехаясь. – Да он уже сколько раз ее терял! Неужели ты думаешь, что Хедина остановит наше предложение?

Но Шендар покачал головой:

– Риск есть, я понимаю. Но нам во что бы то ни стало нужна отсрочка. Время – вот чего у нас нет...

Массивный Штаилир медленно повернул голову – мне показалось даже, что от него послышался скрип, будто от ствола могучего дуба, качаемого бурей.

– И чем ты собираешься одолеть наших заклятых друзей, Глава Совета? – прогудел он. – Поделись своими тайнами. Даже наши Лорды не могут их одолеть, а ты нашел способ?

Шендар усмехнулся и кивнул моему Учителю:

– Расскажи всем, Макран. Время пришло.

Макран выпрямился в своем кресле. Я впервые решился обвести взглядом Совет. Все они – два десятка собравшихся вместе величайших магов – смотрели на него с надеждой. В эту минуту над ними словно мелькнул призрак былого величия, былой власти, которой они лишились в один миг после восстания Хедина и Ракота.

– Мы долго искали пределы их могуществу, – начал Учитель. – Многие силы были брошены на исследования, многое мы потеряли... И многих... Прошло время, прежде чем перед нами забрезжил свет великого открытия.

Он обвел собравшихся надменным взглядом. Да, мой Учитель, хоть и был выдающимся исследователем, не чуждался театральных эффектов. Кое-каким способам морочить головы я научился от него. Все любят зрелища, знаете ли.

– Ну?! – не выдержала Гиассара. – И что вы нашли?

– Способ лишить наших Богов их силы. Да и вообще – любых Богов. Любых магов. Универсальное оружие.

– Какое же, забирай тебя демоны?

– Что дает силу нам? Что дает могущество Богам? Что является связующей основой Упорядоченного, его кровью, его жизненной силой?..

Он снова выдержал драматическую паузу, а затем сам ответил на свой вопрос:

– Магия. Нет магии – нет силы, нет могущества, нет Бога. А где в Упорядоченном нет магии?

– Закрытые миры... – прошептала Гиассара. – Бриллиант в навозной куче?! Не может быть! Да что в них особенного?

– Все может быть, дорогая моя, – снисходительно сказал Макран. – Стоит нам узнать причину отсутствия магии в закрытых мирах, и мы обречем власть над Новыми Богами! Мы сможем просто лишать их доступа к магии!

Штаилир громко, картинно расхохотался:

– Так вы еще не знаете этого секрета, любезные друзья? Похвально... – Он вытер набежавшие слезы могучей рукой. – Нас обложили орды Хедина и Ракота, а вы все еще ничего не знаете?

Шендар потемнел лицом:

– Не нужно смеяться. Мы подошли очень близко к разгадке...

– У нас есть проект машины, которая вскроет один из таких миров и позволит определить причины отсутствия магии, – перебил его Макран. – Точно определить, потому что пока что мы имеем только теоретические расчеты. Нам осталось провести один-единственный эксперимент. Мой Ученик Рейнгард сегодня же отправится на испытание этой машины вместе с лучшими магами Академии. Действовать они будут быстро и скрытно и сразу отправят нам полученные данные.

– А мы с вами возьмемся за разработку оружия, – заключил Шендар. – Для того нам и нужно выиграть хоть немного времени...

Помню, как сердце мое при словах Учителя подпрыгнуло и затрепетало, как пойманная рыбка. Он собирался поручить мне дело исключительной важности – мне, своему молодому Ученику, Рейнгарду Лису. Для того готовил, для того привел на Совет... После выполнения этой операции я мог обрести такие привилегии, такие силы, за которые в другое время пришлось бы работать не одну сотню лет. Истинно сказано: повезло тому, кто живет в эпоху потрясений...

Я собирался исполнить все в точности, как велел Учитель. Спешно подготовили артефакты и свитки с расчетами, спешно собрались молодые маги – кто-то был Учеником, как и я, кто-то – пришел из Академии магии Брандея... Мы выступили в поход через полсутки после Совета, и почти все брандейские маги поработали над завесой, скрывавшей наш отход. По пути мы видели летучие армады Ракота и рати Хедина, под прикрытием своих повелителей двигавшиеся к Брандею. Меня охватила дрожь при мысли о мощи, которую несли с собою эти армии... но нам удалось проскочить незамеченными. Я настойчиво уговаривал себя и других, что наши Хозяева сильны, а Истинные маги – умны и умеют убеждать. Хедин и Ракот не рискнут напасть на Брандей сразу, отступят.

Мы почти достигли нужного нам мирка – закрытой черной глобулы, не выпускавшей и не выпускавшей ничего, – когда до нас докатилось эхо падения Брандея. Эфир всколыхнулся, пошел волнами, Междумирье завихрилось, стронулись со своих мест и вздрогнули светящиеся сферы миров... Никогда не забуду, как мы остановились на островке посреди Межреальности, не имея сил идти дальше. Все было кончено, наш дом – уничтожен, надежды на возвращение – никакой. Лероннэ из рода альвов, любимица Гиассары, плакала, не стесняясь своих слез. Остальные угрюмо молчали, сидя на жухлой траве островка. Потрясенная Межреальность колыхалась вокруг, словно закипающий кисель.

– Хватит ныть, – неожиданно рявкнула Кали. Золотые подвески на концах множества ее косичек зло зазвенели. – Да, Брандея больше нет. Да, нет больше наших учителей. Но мы-то живы! И все расчеты, и все нужные артефакты при нас. Мы сами сделаем оружие мести! Мы отомстим Богам!

– Да возвратится Хаос! – тонко выкрикнула Лероннэ, смахнув слезы со щек.

– Да возвратится Хаос! – эхом откликнулись мы.

Молча собрались и спустились в черный провал закрытого мира, зная, что назад нам не будет дороги, покуда мы не найдем способ вскрыть его, как вскрывают устричную раковину.

Память, память... Мое спасение и мое проклятие. В ней все еще живы те, кого давно уже нет, в ней еще бушуют пожары прежних дней и горит путеводным маяком жажда мести. Только она не дает мне окончательно сойти с ума в моей тесной, глухой, безнадежной тюрьме на Терре.

И только кровь поможет мне в конце концов выйти на волю.

Галя, 18 июня

Когда-то в Северо-Каменске мы с мамой вовсе не были одиноки. Во-первых, тогда был жив мой отец. Но с тех пор прошло столько времени, что я не помню его, как обычно помнят живых людей. Ни запаха, ни голоса, ни улыбки. Я знаю только его фотографии да мелкие вещи, когда-то принадлежавшие ему. «Не трогай этот нож, он папин».

Когда мне было шесть, отец поехал в Екатеринбург с каким-то родственником и по дороге разбился. Родственник тоже погиб. После этого мы с мамой покинули Северо-Каменск и не поддерживали с отцовской родней почти никаких отношений. Только телефонные звонки в день рождения – и то не каждый год. В Северо-Каменске у отца осталась двоюродная сестра, очень деловая дама, которой в девяностые удалось здорово разбогатеть. Я ее совсем не помнила. И отец мой когда-то успешно занимался бизнесом. У тетушки был сын, мой ровесник. Иногда я спрашивала, почему мы никак с ними не встречаемся, но мама говорила, что мы-де «разного поля ягоды» – понимай как знаешь. Однако вчера, когда мне понадобилось ехать в Северо-Каменск, мама без лишних вопросов отыскала в старых книжках телефон тети Светы – или Светланы Аркадьевны, как мне удобнее было называть свою тетушку, – позвонила и договорилась, что несколько дней я поживу у них.

Маме так было спокойнее. А я думала, что чем меньше я оставлю следов своего пребывания в городе, тем лучше. К тому же какой отличный повод для частной поездки в Северо-Каменск – визит к родственникам! И никаких музеев.

Я даже не успела толком оглядеться на перроне, когда меня поймал за плечо симпатичный молодой человек:

– Привет, Галя! Я тебя сразу узнал. Видел твои фотки во «Вконтакте». Будем знакомы: Майк, твой троюродный брат, – и протянул мне руку. Мне ничего не оставалось, как ответить на рукопожатие.

– Привет...

Ну надо же – Майк! А был же когда-то Мишей... Молодой человек тем временем ловко отнял сумку, схватил меня за руку и поволок к парковке, где на июньском солнышке парился роскошный молочно-белый джип. «Инфинити». Вот это да...

– Спасибо, что встретил, – выдохнула я на бегу.

– Да не за что. Классно выглядишь, кстати. Жалко, что вы к нам не ездили. У нас и жить есть где!

Я не нашлась, что ответить на это изъяснение родственных чувств. Майк засунул сумку в багажник и галантно распахнул передо мной дверцу джипа:

– Прошу!

Я невольно потрясла головой. Вот те раз! Не успела приехать, как вляпалась в мечту любой девицы на выданье: симпатичный, настроенный на общение парень на белом внедорожнике. Только вот исполнение девичьих грез в мои планы сейчас никак не входило. У меня здесь были совсем другие дела... Да и куда я дену в таком случае Антона?

Майк рассмеялся:

– Да расслабься ты! Садись давай, не стесняйся!

Я хотела ответить, что медлю вовсе не из стеснения, но махнула рукой и полезла в чрево джипа. Чрево оказалось кожаное, светлое, прохладное. Майк сел за руль. Джип взревел двигателем и рванул с места так, что меня вжало в спинку сиденья. Ай да братец...

Я краем глаза рассматривала своего новообретенного родственника. Майк действительно оказался очень привлекательным молодым человеком: твердый подбородок, нос с легкой горбинкой, серо-голубые глаза. Такие же глаза были у моего отца, я это знаю по фотографиям. Но мне самой достались другие, в мамину родню. Черные. А вот взгляд у Майка

казался странным: одновременно жестким и немного рассеянным, как будто он все время что-то просчитывал в голове. Такой взгляд не очень-то вязался с образом обаятельного разгильдяя...

Одет Майк был просто, но не дешево. Наверное, ездит за покупками в Екатеринбург... Я и сама придерживаюсь того же стиля: скромно, без особой роскоши, но качественно и со вкусом. К тому же это помогает не привлекать к себе лишнего внимания, при моих занятиях особые приметы совершенно ни к чему.

В машине было чисто и пахло не сигаретами, а освежителем воздуха и кожаным салоном. Безымянный палец на левой руке Майка украшал массивный стальной перстень. На нем было выбито нечто неопознаваемое. Я вздохнула. Все-таки как-то это подозрительно: приезжаешь по своим делам в провинциальный городок, а тебя встречает принц на белом коне, пусть даже и родственник...

– Ты где-то учишься? Или закончила уже? – спросил Майк, небрежно поворачивая руль. Джип летел вскачь по разбитым улочкам Северо-Каменска. Я заметила, что ему часто уступали дорогу – даже там, где уступать было не нужно, так что он ехал, почти не притормаживая. Видимо, Майка знали. Неудивительно, городок-то маленький...

– Закончила год назад. Училась в универе, на истфаке, – ответила я и поморщилась. Слова «исторический факультет» не очень-то звучали в салоне дорогого автомобиля. Но по поводу своего образования я никогда не переживала. – Я искусствовед вообще-то. А ты? Учишься где-то?

– Учусь, только заочно, – кивнул Майк. – У нас с матерью бизнес, а бизнес не бросишь. Специальность не помню точно, но что-то там юридическо-экономическое. Все для дела, понимаешь...

Он усмехнулся, и я уловила в этом смешке нотку самодовольства. Наверное, он думает, что «историк» и «искусствовед» – синонимы слова «неудачник». Многие так думают, и совершенно зря. Хотя меня, с моим-то скрытым даром, вполне можно считать неудачницей. Я опираюсь на дар, на интуицию там, где другие опираются на знания и опыт. И потому среди профессиональных экспертов всегда буду белой вороной...

– А мне нравится история, – сказала я. – Здорово заниматься всю жизнь любимым делом, правда ведь?

Майк искоса глянул на меня. По-моему, с удивлением. Что ж, история мне действительно нравится...

Джип промчался через центр города, сплошь застроенный трехэтажными сталинками. Миновал плотину, въехал на пустынную старую набережную и остановился. Мы вышли. С одной стороны от дороги мерцало серебряное зеркало пруда и качали ветвями высокие березы на берегу. С другой – в линию выстроились одноэтажные коттеджи явно старой постройки. Стояла тишина, нарушаемая только шелестом листьев и плеском озерных волн, и казалось, что городские кварталы остались где-то очень далеко. Майк достал из багажника мою сумку и повел меня к домику, построенному в морском стиле, с окнами-иллюминаторами и изящной башенкой, символизирующей вершину не то мачты, не то маяка. При этом дом совершенно точно был выстроен лет пятьдесят назад. Ну надо же, я и не знала, что в те времена в Северо-Каменске могли предаваться таким архитектурным излишествам... Дом был обнесен ажурной чугунной оградой, которая казалась скорее украшением, чем защитой.

Майк заметил, с каким удивлением я разглядываю здание, и пояснил:

– Это директорский дом. Бывший директорский, конечно. До того как мы его купили, тут жили только директора завода.

Я знала по маминым рассказам, что значил для Северо-Каменска металлургический комбинат «Заря». Директор завода был в свое время главнее секретаря горкома партии. А теперь в доме самых влиятельных людей в Северо-Каменске проживает моя родня...

– Необычный дом, – заметила я, подходя к калитке.

– Ленинградцы проектировали, – небрежно пояснил Майк. – Тут же весь центр по ленинградским проектам выстроен, сразу после войны. Архитекторы здесь жили в эвакуации...

Майк толкнул калитку – она была не заперта. Сразу же из глубины сада послышался басовитый лай, от которого у меня мурашки побежали по спине. Такие звуки мог бы издавать небольших размеров танк, умей он лаять.

– Роки, свои! – крикнул Майк и свистнул. Лай перешел в повизгивание, напоминающее скрежет железа о камень. Из-под куста вылезло нечто размером с теленка и тяжелой рысцей приблизилось к нам. Это оказался пес, подобных которому я еще не встречала: громадный, черный, почти без шерсти. Кожа его была вся в крупных неаккуратных складках. Не разобрать, где нос, а где уши. Зато хорошо видны были красные глазки, клыки, торчавшие из-под верхней губы, и металлическая пластинка, закрывавшая весь загривок.

– Его когда-то оперировали, – пояснил Майк, поймав мой вопросительный взгляд. – Но сейчас он здоров как бык.

Роки сел на дорожку и принялся сверлить меня нехорошим взглядом.

– Удивительно умный пес, – поделился со мной братец. – И нас любит. Мы его спускаем с цепи после десяти вечера, так что имей в виду, поздно не возвращайся. Могут быть проблемы.

Я не собиралась шляться по ночам – если только дело не заставит, конечно, но на всякий случай предупреждение запомнила. Мы прошли по дорожке, выложенной диким камнем. В гуще сиреневых кустов, в тени, стояла будка размером с дачный домик. Вообще-то я люблю собак, но интуиция подсказывала, что с Роки действительно могут быть проблемы.

Теперь понятно, почему вокруг дома хлипкая ограда... С таким сторожем глухой забор и не нужен!

Майк открыл дверь, которая, похоже, тоже никогда не запиралась, и провел на второй этаж. Я заметила, что шли мы не самым коротким путем – братец решил продемонстрировать мне все интерьерные красоты. А посмотреть там было на что. Похоже, убранство дома было скопировано из какого-то модного журнала. На их страницах все выглядит очень красиво, но как жить в этих красотах, не нарушая их выверенной гармонии, – совершенно непонятно.

Я осторожно прошла вслед за Майком через комнаты, сияющие стеклом и хромировкой. Здесь действительно никто не жил... Только за одной, наполовину прикрытой дверью я заметила беспорядок. Но там, похоже, была кладовка, даже, точнее, свалка странного оборудования, словно украденного из старого фантастического фильма. Какие-то приборные доски с лампочками и тумблерами, старые громоздкие мониторы, перекрученные провода... Это-то все им зачем?! На боковой поверхности одного из мониторов я краем глаза заметила клеймо, похожее по форме на глаз, однако разглядеть его как следует не успела. Нужно было догонять Майка.

Первое по-настоящему жилое помещение оказалось рабочим кабинетом моей тетушки. Майк туда меня и привел.

В небольшой комнате, беспорядочно заставленной стеллажами с папками, сидела светловолосая женщина и что-то печатала на компьютере. На столе перед ней разбросаны были мелкие предметы: не то миниатюрные шахматные фигурки, не то подвески. На стенах висело несколько картин, в которых я с восхищением опознала прекрасные копии полотен Порфирия Бесчастного. Обычный человек вполне мог принять их за оригиналы, но я-то вижу не только краски. Аура человека, писавшего их, ни в какое сравнение не шла со жгучим отблеском личности Порфирия.

– Мам, привет, – Майк взмахнул рукой. – Вот, привез твою племянницу. Принимай!

Женщина небрежно смахнула фигурки в ящик стола, поднялась и тепло мне улыбнулась. Я улыбнулась в ответ, стараясь казаться радостной и беззаботной. Тетя Света раскрыла мне объятия, и меня поглотило облако нежных, явно дорогих духов.

– Ну, здравствуй, Галя! – сказала она, расцеловав меня в обе щеки. – Как мы давно тебя не видели! Какая ты стала красавица!

Тут у меня слегка помутилось в голове – думаю, не от обилия впечатлений, а от того, что реальность в очередной раз вывернулась наизнанку. Если послушать Майка со Светланой Аркадьевной, так мы с мамой десять лет провели неизвестно где, пока безутешные родственники пытались нас разыскать!

– Вы тоже отлично выглядите, – пробормотала я. И это было правдой: тетя Света ничуть не изменилась за прошедшие годы. Она выглядела точно так же, как на фотографиях десятилетней давности, разве что цвет волос поменяла: была брюнеткой, а теперь приобрела благородный светло-русый оттенок. На вид крепкая тридцатилетняя женщина, гладкая, стройная, в облегающих джинсах и топике. Совсем не похожа на мою уже поседевшую маму...

– Я думаю, тебе у нас понравится, – сказала Светлана Аркадьевна, обведя рукой кабинет. – Жаль, что ты ненадолго. Но Майк будет приглядывать за тобой.

Майк утвердительно хрюкнул. Похоже, маме он старался не возражать.

– Хотя у него тоже много дел, – сурово добавила тетушка. Несмотря на внешнюю молодость, Светлана Аркадьевна стала называться в моем внутреннем монологе именно этим словом. «Тетя» – слишком по-родственному, а имя-отчество – чересчур длинно... Я прислушалась к ее голосу. Что-то меня в нем настораживало, что-то тщательно скрываемое... Вот что. Неискренность. Тетушка фальшивила, как расстроенная труба.

Я постаралась улыбнуться как можно шире.

– Майк! Покажи Галочке ее комнату и ванную. Если хочешь поесть прямо сейчас – иди на кухню. У нас работает Алена, она изумительно готовит. Только она инвалид, очень плохо слышит и почти не говорит. Имей это в виду. Ну, а теперь бегите, мне надо еще закончить дела...

Майк повлек меня дальше по коридору, вниз и налево. Моя комната оказалась рядом с кухней – не для самых дорогих гостей, вероятно, но опрятная и с отдельной ванной. Братец поставил мою сумку на пол и обвел комнатку рукой:

– Устраивайся! Дверь в Аленину каморку прямо в кухне, постучишь – она выйдет и тебя накормит. Тебе сегодня надо куда-нибудь?

– Надо, – кивнула я. – Сама пока не знаю куда, вначале я созвонюсь с клиентом.

Майк понимающе улыбнулся:

– Тоже бизнес, да? Потом расскажешь. С часик могу тебя подождать, а потом доведу куда надо. Не против?

– Здорово, – пробормотала я уже закрывшейся двери.

Я рухнула на кровать, на европейский манер стоящую посреди комнаты, и позволила себе на пять минут закрыть глаза. Голова слегка кружилась, но, слава всем богам, не болела. Спать я тоже не хотела. Спасибо, выспалась в поезде... Сейчас следовало как можно скорее привести себя в порядок, поесть и двигаться дальше. Шел четвертый час дня, а у меня в Северо-Каменске была бездна неделанных дел.

Просто бездна.

Первый звонок я сделала продавцу картины – точнее, продавщице. Ее звали Ольга Николаевна, и она работала в том самом музее, где хранились картины Бесчастного. Ее телефон вместе с заказом передал мне Антон. Я уже звонила этой Ольге из Екатеринбурга, и мне не понравился ее чирикающий голосок. Но кто сказал, что мы должны любить тех, с кем работаем?

– Слушаю, – жеманно ответила она.

– Ольга Николаевна, я вам звонила вчера днем насчет... насчет покупки. Вы помните?

– Да-да, конечно! – радостно прочиркала она. Ее несколько не смущало, похоже, что к ней обратились, чтобы она поспособствовала покупке... хорошо, будем называть вещи своими именами, – краже картины из музея. Она была готова к сотрудничеству. Как будто всю свою жизнь только тем и занималась, что торговала экспонатами со своей работы.

Да, знаю, не мне ее судить. Я-то как раз тем и занимаюсь, что способствую нелегальной торговле предметами искусства. Но ведь это чужие предметы! Я не несу за них ответственности, как она.

– Я приехала и готова с вами встретиться. Мне надо осмотреть объект.

Хорошее какое слово – «объект». Нейтральное. Все что угодно можно им обозначить.

– Очень хорошо, – одобрила музейщица. – До закрытия музея осталось два часа, посетителей у нас почти нет. Приезжайте, я буду ждать вас в главном зале.

Вот и замечательно.

Потом я отчиталась перед мамой, как добралась и как устроилась, и с чистой совестью отправилась на кухню. Не обнаружив там домработницы, самостоятельно стащила из холодильника кусок пирога с мясом и пакет молока. Пирог был вкуснейший. Я съела его до крошки, запив ледяным молоком, и почувствовала себя в силах продолжать делать дела. В брезентовый рюкзачок я кинула пластиковый конвертик с документами и на всякий случай нетбук. Дорожную сумку я засунула в стенной шкафчик и тихонько, стараясь не попасться тетушке на глаза, покинула дом.

Не внушила мне особого доверия моя решительная и моложавая тетушка, уж не знаю почему...

Снаружи чувствительно припекало послеполуденное солнышко. Я пожалела, что не надела кепку, но возвращаться не хотелось. У крыльца меня уже поджидал Майк: в плотной куртке, несмотря на жару, и с мотоциклетным шлемом под мышкой. Рядом с ним прямо на мощеной дорожке стоял мотоцикл, сверкая на солнце начищенными хромированными деталями. Металлические части кузова были выкрашены в ярко-желтый цвет, а сиденье обтянуто черным кожзамом. На бензобаке красовался логотип «Хонды», а на черном багажном отсеке – название модели: SB 400. Не очень-то я разбираюсь в мотоциклах, но одно могу сказать: бывают и красивее. На вид это был самый обыкновенный байк, безо всяких дизайнерских изысков. Из-за крупного бензобака он казался слегка горбатым. Зеркала заднего вида торчали вверх, как вздернутые любопытные уши. Большая круглая фара придавала мотоциклу выражение некоторой наивности, но мне почему-то показалось, что характер у этой машинки довольно задиристый.

«Конек-горбунок», – подумала я.

– Познакомься, это Вжик, – сказал братец и любовно похлопал по бензобаку. – Моя рабочая лошадка. Когда-нибудь куплю себе байк покруче, а пока катаюсь на этом. Зато он проедет где угодно. «Сибишки», они выносливые...

– Симпатичный, – согласилась я.

На мотоцикле я ездила в своей жизни считанные разы, и то в качестве пассажира, и больше всего запомнила только пугающую скорость. Разок пришлось порулить скутером – и то во дворе, в дружеской компании. Поэтому к Вжику я отнеслась с опаской. Но все же протянула руку и потрогала теплый желтый бок. Неожиданно мотоцикл громко фыркнул мотором и завелся. Я аж подпрыгнула.

– Ты чего?! Я так зайкой сделаюсь!

– Я ничего... – засмеялся Майк. – Не обращай внимания. Ты ему понравилась.

Странное отношение к мотоциклу, честное слово. Я снова прикоснулась к желтому бензобаку – уже в качестве эксперимента, но байк никак не отреагировал. Шутники они

тут... Я обратила внимание, что на передней части бака, ближе к рулю, был прикреплен металлический ящичек величиной с коробку для карандашей, сделанный явно кустарным способом. На крышке коробочки из прорезей торчали три рычажка, один из них был сдвинут вверх. С обеих сторон от нее отходили провода и тянулись куда-то под приборную доску. На боку коробочки было выбито клеймо в виде глаза.

– А это что такое?

– Тюнинг, – непонятно усмехнулся братец и протянул мне второй шлем, до того лежавший на сиденье:

– Надевай! Безопасность прежде всего. Кстати, если когда-нибудь поедешь на другом мотоцикле, без дополнительной защиты не садись! А на Вжике, в общем, и шлема хватит. Вжик – он особенный.

Ну, что этот байк особенный, я уже поняла по отношению к нему Майка. Можно любить свой мотоцикл до безумия, но чтобы относиться к нему как к живому?.. Все-таки мы уже не дети, чтобы одушевлять неживые предметы! Хотя и впрямь в этом мотоцикле что-то чувствовалось необычное. Может, действительно характер?..

Я осторожно села позади братца, одной рукой ухватила за ручку для пассажира, другой – за бок Майка, и мы поехали.

Впечатление было такое, будто я села верхом на реактивный двигатель. На мотоцикле трясло, к тому же Майк считал ниже своего достоинства объезжать небольшие выбоины. У меня каждый раз сердце замирало: ведь уьемся! Однако задиристый байк и не думал падать. Напротив, он несся вперед, то пристраиваясь в промежуток между машинами, то виляя в междурядье. Спустя некоторое время я привыкла и смогла достаточно расслабиться, чтобы посмотреть по сторонам. Город мчался навстречу, кренясь на поворотах, и я начинала смутно узнавать его. Вот здесь мы когда-то гуляли... а по этой улице ходили на парад в День Победы... а в этом кафе – точно, в этом! – мама покупала мне пирожные в виде лесного пенька...

Северо-Каменск показался мне маленьким, уютным и очень спокойным, хотя и слегка запущенным. Он не очень-то отличался от других маленьких городков, где я бывала. На газонах росли некошеные, буйно цветущие травы. Фасады домов трескались быстрее, чем жилищные конторы успевали их ремонтировать. Асфальт хранил в себе память обо всех весенних ручьях и летних лужах, а также обо всех проехавших по нему фурах. Дождей давно не было, и дорожные выбоины заполнились мелкой серой пылью, которую с удовольствием тревожил Вжик.

Северо-Каменский музей находился на окраине города, там, где кончались каменные дома и начинался район старой, еще дореволюционной застройки. Это был осколок прежнего населенного пункта, поселка Вагранские Рудники, который постепенно оказался на окраине нового города. Недалеко от музея, за чертой жилого сектора, должен был находиться археологический памятник – древний, выложенный из булыжников лабиринт и частично раскопанные остатки городища конца семнадцатого века. Здесь время от времени селились люди – и две тысячи, и триста лет назад, а теперь это место, по названию ближайшей речки, именовали Вагранским городищем. А лабиринт официально считался внешним экспонатом краеведческого музея. Так, по крайней мере, рассказывалось на музейном сайте...

Майк лихо остановил мотоцикл у самой ограды – так, что визг тормозов и камешки из-под колес. Принял у меня шлем и махнул рукой, прощаясь. Я посмотрела, как он мчится по узкой старой улице, поднимая тучи пыли, и пошла в музей. Он размещался в старинном каменном особнячке: двухэтажном, на восемь окон, выкрашенном в нежно-изумрудный цвет. Даже полы в особнячке не менялись со времени постройки здания: доски были метровой ширины и под ногами не скрипели. Сейчас такие мало где увидишь... На входных дверях висел большой рекламный плакат. Он гласил, что двадцать первого июня, в день лет-

него солнцестояния и одновременно полного солнечного затмения, состоится открытие юбилейной выставки одного из великих сыновей этого города – художника Порфирия Бесчастного. Выставка называлась «Затмение». Вот это некстати – слишком велико будет внимание к полотнам Бесчастного в эти дни... Но думаю, с одной-то картиной проблем не будет. Мы же не собираемся вывозить всю экспозицию!

Я прошла мимо закрытого окошечка кассы. В зале никого не было, только у входа дремала старушка-вахтерша, прозрачная и хрупкая, как мотылек. А где же Ольга Николаевна?..

– Добрый день, а где... все? – спросила я, не придумав ничего лучше.

Старушка приоткрыла блеклые глазки:

– Все ушли на внешний объект. Если надо, так подождите. А для посещения мы уже закрыты.

Но мне ждать не хотелось. Я спросила, как найти этот самый внешний объект.

– Идите до конца улицы, еще дома три, – проскрипела вахтерша. – Лабиринт-то и увидите... Не бойтесь, мимо не пройдете.

Я миновала ограду музея и сразу поняла, в какую сторону идти. Невдалеке, за домами, виднелось открытое пространство вроде пустыря, за которым смутно темнел лес. Я прошла по узкому тротуару мимо поникших от зноя берез и старинных, вросших по окнам в землю домиков. Однако еще издали мне послышались крики, рокот моторов, какой-то лязг. Там, в конце улицы, творилось что-то неладное. Да что же это может быть?

Я миновала последний домик и остановилась. Передо мной лежал большой пустырь, поросший низкой, желтоватой от жары травой. Вдоль жилых домов вилась грунтовая дорога. Через пустырь тянулась хорошо утоптанная тропинка, которая почему-то прижималась к его левому краю. Я пригляделась и поняла почему: посередине пустыря дремлющей змеей раскинулся каменный лабиринт. Возле него рычала двигателями строительная техника: желтый экскаватор с поднятым ковшом, бульдозер, пара самосвалов. Все они выстроились полукругом, словно хищники, загоняющие добычу. Двигатели извергали клубы сизого вонючего дыма. Перед экскаватором беспокойно двигалась маленькая группка людей. Они махали руками и что-то кричали. Экскаватор, видимо, не выдержав напряженного противостояния, дал по газам и дернулся вперед. Люди побежали. Только один человек, совершенно седой и хрупкий на вид, остался. Он раскинул руки, словно собирался остановить собственным телом тяжелую машину. Экскаватор снова дернулся и заглох в каком-то полуметре от человека. Я бросилась на помощь, даже не подумав, стоит ли это делать.

Когда я добежала до места битвы, напряжение уже спало. Техника разворачивалась и покидала пустырь. Только молодой, очень загорелый и очень раздраженный экскаваторщик оставался рядом со своей машиной. Он звонил по мобильному телефону. Видимо, начальству.

– Говорю, не пускают! Я что, давить их должен? – тут он сделал паузу, видимо, выслушивая ответный мат. А потом заорал: – Да увольняй, мне! Лучше уволиться, чем в тюрьме сидеть! А?.. Вот сама, садись и копай!

Дальше он выразился так заковыристо, что можно было не сомневаться – начальница бросила трубку. Экскаваторщик с досадой сунул телефон в карман рабочих штанов, без лишних слов залез в кабину и уехал. Нам на прощанье остался только едкий запах дизельных выхлопов и развороченный колесами дерн.

Самый храбрый из защитников лабиринта оказался старичком с редкой бородкой. Он был одет в мятый полотняный костюм, а на кончике носа чудом удерживались очки в тонкой оправе. Вылитый Старик Хоттабыч из старого фильма... Боевой пыл, однако, в нем горел на зависть молодым.

– Вы видели?! – спросил он меня, подпрыгивая от возбуждения, когда я подошла узнать, не нужна ли помощь. – Я им ни пяди не отдам! Они уже не в первый раз пытаются силой прорваться!

– А зачем? Кто они? – спросила я. Из лесочка к нам подтягивались остальные протестующие. Они выглядели смущенными: разбежались по кустам, тогда как их пожилому предводителю удалось успешно отразить атаку.

– Бизнесмены, – ответил старик презрительно. – Подавай им участок земли, чтобы что-то там построить. Мебельный цех или еще что-то, я не помню. А на участке – памятник архитектуры и раскопки. Каково, а?

Он встопорщился, как рассерженный воробей.

– Когда они в первый раз приехали, мы уж думали – все, конец объекту. Но отстояли... И потом куда только не писали: и в архитектурное управление в область, и в Министерство культуры, и в прокуратуру... Везде обещают помочь, только долго что-то, – старик недобро усмехнулся. – В суд подали. А эти... Не дожидаясь суда, нападают, так в себе уверены. Представляете, пишут нам, что во время строительства ни лабиринт, ни раскопки не пострадают. Это прямо на стройплощадке-то, как же... Но мы им не сдадимся!

Подчиненные закивали – да, конечно, не сдадимся. Похоже, им еще долго придется реабилитироваться после бегства в кусты... Я осмотрелась внимательнее: пустырь, конечно, был велик и вполне годился в качестве уже расчищенной строительной площадки. Хотя для чего биться именно за эту поляну, мне было непонятно. Неужели других мест для строительства не найти? Со стороны леса пустырь все еще был огорожен остатками очень старого деревянного забора. От времени он потемнел, некоторые секции отсутствовали, некоторые – валялись среди травы. Лес с одной стороны показался мне более редким, пронизанным солнечными лучами, и, приглядевшись, я увидела между деревьев заржавленные оградки и памятники. Старое кладбище... От него должно было бы веять покоем и умиротворением, но меня внезапно мороз продрал по позвоночнику. Здесь ощущалось напряжение, словно я стояла на краю пропасти. Это место манило и пугало одновременно. На самой поляне, почти полностью заросшие низкой травой, лежали кольца древнего лабиринта. Чуть дальше – закрытая досками и огороженная заборчиком яма старого раскопа. Там, все еще под землей, дремало древнее городище, на котором современные бизнесмены и собирались строить свои мебельные цеха.

– Спасибо за поддержку, – старый директор энергично пожал мне руку. – Я рад, что простые люди не остаются равнодушными к бедам нашего музея. Спасибо!

– Пожалуйста, – пробормотала я.

– Отлично, тогда пойдемте домой. Думаю, сегодня они сюда больше не сунутся.

Я поняла, что «домой» – это означало в музей. Для того типа руководителей, каким был Анатолий Александрович, слова «дом» и «работа» обозначали одно и то же. И будь я проклята, если в этот момент не ощутила слабый, но неприятный укол совести. Этот человек жил своим делом, гордился им и готов был за него умереть, в отличие от остальных... а я собиралась причинить вред тому, что он любил. Ничем я не лучше этих строителей-разбойников...

«Да, но он же об этом не узнает, – возразил другой голосок внутри меня. – И никто не узнает. А кто уже знает, тот никому ничего не расскажет».

Директор, а за ним и все остальные двинулись обратно по разбитому тротуару. Я украдкой разглядывала нестройную толпу музейных работников, точнее работниц. Кто из них Ольга Николаевна? Антон упомянул, что она «интересная дамочка». А у меня ума не хватило спросить подробней. Кто она: та плотная брюнетка? Или сухощавая женщина предпенсионного возраста, явно очень следящая за собой? Или нежная полнеющая блондинка лет тридцати пяти?

Я топталась на месте, пока они проходили мимо, но именно нежная блондинка, шедшая последней, внезапно подняла на меня взгляд и едва заметно кивнула. Я молча двинулась за ней.

И в музей я вошла вслед за музейщиками, словно имела право здесь находиться. К моему удивлению, никто, даже директор, не обратил на меня внимания. Сотрудники с видимым облегчением разошлись по залам. Разговоры их, как я заметила, вращались по большей части вокруг погоды и ситуации на дачных участках и почти не касались только что пережитого на пустыре сражения. Ольга Николаевна снова сухо кивнула мне, приглашая следовать за собой. Мы вошли в узкую служебную дверь, миновали темный коридорчик, служивший, наверное, во время оно проходом для прислуги. Сейчас в нем томились только старые пыльные стулья. В коридор выходили несколько таких же, как и в музейном зале, узких дверей. На одной из них висела поблекшая, заляпанная белой краской табличка «Директор». На стене напротив – прошлогодний рекламный плакат «Ночи в музее».

– И что, к вам ходят на «Ночь в музее»? – удивленно спросила я, прежде чем успела прикусить язык.

– Ходят, – пожала полными плечами Ольга Николаевна. – Еще как ходят. У нас в Северо-Каменске, понимаете, не так много мест, куда можно пойти...

Она отперла последнюю по коридору дверь, над которой подслеповато помаргивал красный глазок сигнализации.

– Это хранилище исключительно для живописных работ, – сказала музейщица. – А сейчас, когда готовится выставка, здесь только полотна Порфирия Степановича. Вы пока посмотритесь, я сейчас вернусь. Надо отключить сигнализацию.

Хранилище представляло собой узкую и длинную комнату, оклеенную блеклыми обоями, с единственным зарешеченным окном в торце. В форточку был врезан пожелтевший от времени вентилятор. Пахло в хранилище старой бумагой, краской и пылью. На стене висел большой термометр, который показывал двадцать пять градусов тепла. После тяжелого вечернего зноя – приятная, ровная прохлада. Но я почему-то не чувствовала облегчения. Наоборот, напряжение, охватившее меня возле лабиринта, словно усилилось. Наверное, тому виной были полотна Бесчастного, окружавшие меня со всех сторон. Они – вместе с аурой их создателя – словно обрушивали на входящего всю страсть и весь смысл, который мастер постарался в них вложить.

Картины, приготовленные к выставке, были расставлены вдоль стен. Я тихонько прошла по комнате, разглядывая их. Порфирий Бесчастный был художником-самоучкой, и профессионалы того времени не принимали его всерьез. Правда, о его картинах очень хорошо отзывались Рерих и Бенуа, но часто случается, что отзываться и брать на выставку – не одно и то же. К тому же Бесчастный был очень замкнутым и странным человеком, избегал столиц и шумного общества – так что удивительного в том, что при жизни он не стал особенно популярен, а после смерти оказался почти забыт? Но автор единственной подробной биографии, которую я нашла на музейном сайте, не скупился на эпитеты. «Русский Уильям Блейк», «неоцененный русский визионер», «гений российской провинции»... Что правда, то правда, Бесчастный был настолько необыкновенной, самобытной личностью, что у некоторых современников возникали справедливые сомнения в его психическом здоровье.

Неужели эти полотна никогда не покидали Северо-Каменска? Я обвела комнатку взглядом. Фигуры на картинах словно застыли на миг, казалось, они вот-вот продолжат движение. При том, что рисовал Бесчастный несколько схематично, динамику ему удавалось передать великолепно. На многих картинах присутствовал Вагранский лабиринт, выписанный с документальной четкостью. Неоцененного русского визионера, похоже, этот археологический памятник притягивал как магнит. Я вспомнила давящее чувство, охватившее меня на пустыре, и невольно поежилась. Бесчастный во всех своих работах опирался на мифологию, причем им самим же и придуманную. Его миры были грандиозны, мрачноваты и полны притягательной силы. Я присела, разглядывая картины внимательнее. Кое-какие из них я запомнила, читая сайт. Когда-то еще доведется увидеть их в оригинале...

Вот «Меч». На фоне космической тьмы нарисован был длинный прозрачный кристалл, и, только взглядевшись, можно было понять, что каждая его грань – это сверкающий, словно стрекозиное крыло, и даже на вид острый меч. «Мультиверсум» – могучее древо в виде Вагранского лабиринта, прорастающее круглой кроной сквозь многоэтажную Вселенную. Вот «Стазис» – мертвый лес зеленоватых кристаллов под ровно-серым небом. «Противоборство» – сплетающиеся тела белого орла и золотого дракона, и очень трудно разобрать, где один, а где другой, скорее – одно существо, фантастическое единение двух... «Творение» – вскипающая бело-голубая пена, в бурунах которой внимательный взгляд мог различить, как лепятся из нее формы всего сущего, от звезд до насекомых. А вот и «Хаос»...

Позади меня скрипнула дверь.

– Я вижу, вы нашли то, что нужно, – сказала Ольга Николаевна. – Ну что? Как?..

– Это копия, – сказала я и сама поразилась тому, как спокойно прозвучал мой голос. –

Ваш «Хаос» – это подделка. Вот, смотрите.

Я коснулась полотна – на пальце остался след от еще не просохшей краски.

Рейнгард, 18 июня и давным-давно

Этот закрытый мирок местные жители называли Террой. Магия и впрямь почти не проникала в него, и порой это становилось мучительно для нас, привыкших к бесконечным рекам Силы вокруг.

Мы долго прожили на Терре, оставаясь свободными.

Люди в этом мире оказались обычными людьми, разве что не особенно ладили с магией. Спустившись сюда, мы разделились для разведки и вскоре уже обменивались информацией о том, каков расклад сил. И почти сразу мы наделали ошибок... Самой главной из них стала наша самоуверенность. Нам казалось, что мы, мудрецы и маги, справимся с этим миром играючи. У нас были свитки с Брандея, были чертежи, были инженеры. Мы не давали себе труда задумываться и перепроверять расчеты – и закрытый мирок жестоко нам отомстил.

Вначале была Атлантида.

Мы нашли ее сразу, как спустились в закрытый мир. Она лежала посреди синего и теплого моря, которое здесь называли Срединным, или Средиземным. Атлантида – огромный остров, некогда процветавший, а теперь пришедший в упадок. Но мы умели работать. За короткое время мы возродили государство, которое могло дать нам все, что требовалось. Собственно, атлантам хватило лишь небольшой нашей помощи, чтобы начать строить и побеждать. Очень целеустремленный был народ...

Заново отстроенная метрополия на острове впечатляла всех, кто приезжал в Атлантиду в поисках богатств или приключений. Этот город покорила даже нас, хотя мы повидали множество миров и жили некогда под сенью многоступенчатых крыш Брандея.

Город был великолепен. Белоснежные башенки и арочные мосты, изящные купола и стремительные росчерки лестниц, массивные причалы и летящие силуэты парусов. Он походил на белое кружево, и всюду сквозь каменную вязь виднелась густая морская синева. Я ловил себя на мысли, что, не будь Брандея, не будь нашей срочной работы, – я хотел бы остаться в этом городе надолго. Корабли привозили в гавани Атлантиды пряности и драгоценные ткани, невольников и оружие. Золото рекой лилось в торговых кварталах и в домах богачей. В конторах на пристани заключались крупнейшие сделки, делались прогнозы и ставки, мир делился на части. Да, атланты вели дела с размахом! До сих пор, стоит закрыть глаза, я вижу блеск великолепной Атлантиды... Будь же трижды проклят этот мир, сотворивший с нами такое!

Конечно, магии нам не хватало. Даже неисчерпаемая Сила Хаоса не могла пробиться сюда... Нам, привыкшим к тому, что под руками всегда щедрый источник Силы, казалось, что мы внезапно ослабели и постарели. Каждый вечер Кали неистово ругалась на своем родном языке, пытаясь освоить хоть самую простую, бытовую магию при помощи остаточных сил этого мира. Куда там! Горячая чернокожая дева так и не преуспела. Если под рукой не было заряженного еще в Упорядоченном артефакта или жертвы, готовой щедро поделиться живой кровью, никакой волшбы в Терре не получалось. Так что нам поневоле приходилось экономить...

Мы строили машину по брандейским чертежам.

Сейчас я вспоминаю эти дни, наполненные палящим солнцем, пылью, ненавистью и тяжелой работой, как сон. Наши слуги, сопровождавшие нас в пути с Брандея, помогали изо всех сил. Месть гнала нас вперед, мы спешили – и потому ошибались. Но в то время нам казалось, что все расчеты верны и оружие возмездия вот-вот окажется в наших руках. Если бы мы знали... если бы могли хотя бы предположить, что случится!..

Мы с Киршстифом регулярно навещали владыку Атлантиды в его дворце. Киршстиф присоединился к нам позже других. Он занимался изысканиями в Упорядоченном, когда Брандей пал, – а нас он нашел, когда искал своего брата, Гарсааша, преподавателя из Брандейской академии, который путешествовал с нами. Собственно, Киршстиф с братом и занимались контактами с местным населением. Кир, старший, сам подобрал человека на роль царя атлантов: достаточно талантливый, амбициозный и притом податливый, чтобы беспрекословно слушаться нас. К тому же гоблины пугали людей своим видом и охотно этим пользовались. Атланты недолюбливали гоблинов, принимая их за людей, пораженных каким-то уродством. Конечно, чтобы завоевать расположение знати, нам пришлось пожертвовать некоторыми амулетами, правда, не самыми ценными. Ах, если бы на Терру проникала внешняя магия, тогда нам не пришлось бы обращаться к людям, мы бы все сделали сами, никого не спрашивая. Но нам нужны были рабы для строительства башен, корабли для перевозки каменных блоков, железо и дерево для деталей машин, воины и ремесленники, провиант и оружие. Мы делали все вручную, и строительство продвигалось невероятно медленно – так нам казалось.

Горячая Кали только ругалась, глядя на медленно растущие части гигантской машины. Каждый раз, когда нам удавалось собраться вместе, мы снова и снова обсуждали ход Великого Открытия – так Киршстиф окрестил наш эксперимент. Как же нам хотелось поскорее закончить работу!

Мы возвели массивную башню под округлым куполом на северном мысе Атлантиды, откуда обычно провожали уходящие в плавание корабли.

Машина представляла собой огромную Звезду Хаоса, укрепленную на куполе изнутри. Форма эта оказалась удивительно гармоничной, подходящей для лишнего магии мира. Лучи Звезды спускались по стенам вниз, стремясь к центру пола, в который была врезана огромная чаша для жертвенной крови. С купола в чашу спускался серебряный шуп, позволявший собирать и направлять выделившуюся Силу. В Звезду мы вмонтировали брандейские амулеты, сохранившие часть принесенной извне магии.

В центре ее призрачно мерцала Паучиха – большая черная сфера, главный накопитель Силы, одно из сокровищ Брандея, щедро выданное нам для нашего эксперимента. Чернота ее не была абсолютной, в ней бродили смутные тени и чудились лица. Ходили слухи, что Паучиха способна вместе с кровью жертв выпивать и их души...

Старший гoblin, стоявший рядом, рассеянно оглянулся:

– Дарнар, у тебя все готово?

Инженер молча кивнул.

Нужно было проверить машину перед запуском. Мы встали вокруг чаши – защита пока не требовалась. Юргнорд ловко вставил в пазы и гнезда на лучах звезды недостающие, заранее приготовленные амулеты. Царь со свитой благоразумно отошел ближе к входу, но продолжал напряженно за нами следить. По знаку Кали стражники впихнули в зал нескольких невольников, связанных так, что они едва могли двигаться. Когда Киршстиф обнажил серебряный жертвенный клинок, одна из рабынь дико закричала, упала и забилась в путах. Киршстиф ее первую подтащил к чаше и умело вскрыл женщине сонную артерию. Алая кровь брызнула фонтаном. Гoblin нагнул сопротивляющуюся жертву над чашей, и кровь немедленно задымилась, попадая в поле действия амулетов. Невольница быстро ослабела и затихла. Киршстиф ухватил следующего раба – тот от страха даже не сопротивлялся.

Когда дно чаши заполнилось, Юргнорд сделал знак остановиться. Для пробного включения машины крови было достаточно. Остальных невольников немедленно уволокли, а мы приступили к запуску нашего детища. Даже сейчас, спустя столетия, я дословно помню все, что было написано в свитках, принесенных нами с Брандея. Такого важного дела, как это,

мне еще не доводилось исполнять. Вся наша дальнейшая судьба зависела от исхода этого эксперимента, но тогда я даже не предполагал, насколько сильно. Будь же проклят этот мир...

Черная сфера под потолком вздрогнула, вбирая Силу. Серебряный щуп тихо светился, перекачивая магию из крови в Паучиху. Амулет уже пылал черным призрачным пламенем. На лучах-стрелах, сбегаящих с потолка вниз, вспыхнули и беспокойно забегали ряды багровых искр. Машина собирала, концентрировала Силу для того, чтобы взрезать получившимся лучом неподатливую плоть этого мира. Земля под ногами едва заметно заколебалась.

Дарнар с Юргнордом напряженно следили за работой машины. Я же упивался вновь пришедшим ощущением могущества. Магия вернулась, она плескалась вокруг меня, просилась в руки. Только захоти – и из бездонной чаши Паучихи ее можно было черпать и черпать. Даже жаль, что вся она должна уйти на другие цели...

Подземный гул стал громче. Земля затряслась мелкой дрожью. Но я видел, что кровь в жертвенной чаше уже потемнела настолько, что стала почти черной, а Сила, поднимавшаяся по серебряному щупу, текла едва заметной струйкой.

– Гаси! – Дарнар взмахнул рукой. Его помощник осторожно удалил некоторые амулеты из их гнезд – и машина постепенно утихла.

Инженер подошел к знатным атлантам и сказал на ломаном местном наречии:

– Завтра нам понадобится много крови. Гораздо больше, чем сегодня. Много невольников и много воинов, чтобы следить за ними. После этого ты сможешь навсегда забыть о врагах.

Дарнар, человек рациональный, не считал нужным учить язык мира, который, возможно, вскоре перестанет существовать. Однако царь его понял, кивнул и отдал приказание стоящему рядом слуге.

– Нам нужна тысяча невольников, – продолжал инженер, обращаясь уже к гоблину на родном языке, – и с десятков тех, кто будет пускать им кровь здесь и не побоится машины. Мы заплатим десять золотых монет за каждого убитого невольника. Здесь найдутся такие?

Такие, как я по опыту знал, находились всегда и везде. Атланты в сопровождении инженеров и Киршстифа направились к проему, сквозь который сиял солнечный свет и был виден чистый, синий морской горизонт.

– Она работает! Великолепно! – Кали подошла ко мне, звеня многочисленными бусами и белозубо улыбаясь. Золотые подвески на концах ее бесчисленных смоляных косичек исполняли прихотливый танец. Честно говоря, до сих пор не понимаю, для чего она строила из себя эдакую дикарку. Она ведь была талантливее многих из нас... Может, оттого, что она терпеть не могла подчиняться любым правилам? Именно Кали во время строительства не однажды экспериментировала с Паучихой, заставляя амулет поглощать жизненную энергию самых разных существ, которых только можно было найти в этом мире. Она относилась к этим опытам с таким энтузиазмом, что однажды разругалась с инженерами в пух и прах, и только вмешательство гоблинов спасло их от ссоры.

– Не радуйся раньше времени, – ответил я. – Сегодня надо будет еще раз все проверить, и расчеты, и подготовку...

– Ты всегда чересчур осторожничал, – усмехнулась она. – Даже не знаю, отчего Макран отправил сюда именно тебя... Все сработает как надо, мой осторожный брат. Завтра мы будем свободны, а послезавтра – отпразднуем победу над Новыми Богами, да поглотит их Неназываемый!

Я хотел было выругаться, но вдруг понял ее. Она сама хотела встать на место Богов. О, какой она была бы Богиней: буйной, жестокой, непредсказуемой, как пустынная буря! И как страстно она этого желала!..

– Лучше проверь своих невольников и стражу, – буркнул я. – Вот когда вырвемся отсюда, тогда и будем радоваться.

Она расхохоталась и ушла, покачивая бедрами. Наверное, именно тогда в первый и единственный раз меня кольнуло недоброе предчувствие. Но за работой я сразу забыл о нем.

Мы заняли свои места вокруг машины на следующий день, когда солнце уже коснулось зенита. Дарнар сказал, что полдень – идеальное время для запуска. Мы надели лучшую одежду из той, что взяли с собой с Брандея, мы молчали, потому что каждый держал в голове то, что должен сделать – до мелочей, до малейшего движения и звука. Наши слуги следили за всеми приготовлениями, а сами мы устроили для себя нечто вроде защитных ниш возле стен башни, из которых могли безопасно наблюдать за ходом эксперимента.

Кали напоследок обошла стражников, заглядывая каждому в глаза. Что она при этом им говорила, я не знаю, но знаю, что каждый из них с того мига почитал за счастье умереть подле нее. Невольников пригнали еще на рассвете, и они толпились в огромном загоне недалеко от башни. Плохо, что их держат на солнцепеке, подумал я, устраиваясь на своем месте. Кровь усталого человека не так действенна, как кровь бодрого и здорового. Ну да уже поздно что-либо исправлять...

И снова черная мгла в Паучихе сменилась призрачным сиянием и беспокойным метанием теней, и снова побежали по лучам гигантской Звезды Хаоса багровые огоньки, и затряслась под ногами земля...

Стражники Кали с бесстрастными лицами вскрывали артерии все новым жертвам, не обращая внимания на стены, ходившие ходуном. Кровь лилась рекой, забрызгивая пол вокруг и самих стражников. Они еле успевали оттащить тела. Серебряный щуп налился ярким белым сиянием, а лучи Звезды – багровым, словно их раскалили в кузнечном горне. Дневной свет уже не был различим из-за этого багово-раскаленного марева. Казалось, что я попал в центр кузни, хотя я и не ощущал жара.

Со своих мест мы могли только пассивно следить, как зачарованные Кали воины режут все новых невольников. Рабы наверняка еще вчера сопротивлялись бы такому массовому убийству, но трясущаяся земля и страшный багровый свет внутри башни лишали их сил. Они покорно принимали смерть, и черная кровь лилась в чашу, в которой пульсировал ослепительно белый щуп. Тела не успевали вытаскивать наружу, и груды их у стены все росла.

Внезапно какой-то подросток, которого тащили к чаше, сумел вывернуться из рук стражников. Почему-то ужас гибнущего мира не подействовал на него, а связали его плохо. Мальчик оттолкнул воинов, которые скользили на залитом кровью полу. Он и сам едва устоял на ногах: башня тряслась, как в лихорадке. Подросток схватил валявшийся у чаши жертвенный нож и бросился разрезать веревки на каком-то старике. Он успел освободить старика прежде, чем воины бросились на них. Но мальчишка и в этот раз им не дался. Он ловко отмахивался ножом, пробиваясь к выходу. Я забеспокоился. Потеря одного невольника не могла остановить эксперимент, но он остановил процесс поступления в чашу свежей крови. К тому же он мог освободить остальных... Стражники преследовали мальчишку, забыв о старике. А он, вместо того чтобы бежать, нетвердо двинулся прямо к чаше. Один из наших слуг схватил его за руку, но старик неожиданно сильно оттолкнул его. Я попытался вскочить со своего ложа, но магическая защита надежно удерживала меня на месте. Я видел, что и остальные старались вырваться из объятий голубоватых магических коконов. Дарнар потрудился на славу: новая защита и впрямь ограждала от всего и была очень надежна. Он обещал, что она отключится только после того, как машина завершит работу – во избежание случайных жертв среди нас. Но о том, что процесс пойдет неправильно и потребует нашего непосредственного вмешательства, никто не подумал...

Старик добрался до чаши и ухватился за ее край. Крови в ней было еще достаточно, и машина работала в полную силу. Из-за гула и грохота я ничего не слышал, зато хорошо видел, как старик расхохотался, выкатив обезумевшие глаза. Он упал прямо в чашу – кровь

плеснула тяжелой волной – и голыми руками ухватил щуп. Как его не сожгло сразу – не знаю. Может быть, он был скрытым магом. Я ощутил мимолетную досаду от того, что мы не посчитали нужным изучить этот мир получше, прежде чем его вскрывать... Меньше было бы сюрпризов. Старик, все еще хохоча, повис всем весом на щупе, разбрызгивая из чаши кровь. Воздух взвихрился вокруг чаши, раскидывая мертвые тела и тех из живых, кто пытался помешать безумцу. Белое сияние поднимающейся Силы окутало его. Наверное, в тот миг он ощутил себя всемогущим – и сделал то, чего больше всего желал. Сила подчинилась ему, надежно укрепленный в потолке щуп оборвался, как тонкий шнурок, и рухнул вместе со стариком на пол.

Кровь взметнулась черно-багровым фонтаном. Паучиха ослепительно вспыхнула – мощь вырвавшейся магии была слишком велика. По телу амулета пробежала сеточка сияющих трещин. Амулет, накопивший гигантский по здешним меркам заряд Силы, был готов взорваться.

Стены задрожали и стали рушиться на нас.

И нам пришлось бежать.

Стремительно, постыдно, бросив многое из того, что мы принесли с собой. Дарнару и Юргнорду удалось с риском для жизни спасти некоторые амулеты из машины, но многое еще осталось. Крушение нашей машины вызвало неслыханную бурю. Мы едва успели увести наши корабли из гавани, как остров потряс мощнейший взрыв. Первая из гигантских волн обрушилась на берег на наших глазах... Буря продолжала бушевать еще несколько дней, не давая нам пристать к берегу. Нас носило по волнам, и мы могли только наблюдать в бессильной ярости, как гибнет в пучине результат наших многолетних трудов. Корабли раскидало, и не все они в конце концов пришли в порт...

Надо ли говорить, в каком состоянии мы пребывали после неудачи? Сколько поисков, сколько опытов было проведено, прежде чем нам удалось найти новое решение. Все мы пришли к мнению, что нельзя так просто бросить наше дело. Слишком много сил уже в него вложено...

И снова на лишенной магии земле Терры воздвиглась магическая машина.

Белые приземистые башни в моих воспоминаниях подпирали ярко-синее знойное небо, словно колонны огромного храма. Если бы это был храм Хаоса – то самый величественный из всех существовавших. В моих воспоминаниях их белизна до сих пор режет глаза, хотя я сам давным-давно пребываю во тьме. Мы воздвигали их одну за другой, мы работали как одержимые. Свитки с их чертежами мы успели спасти с гибнущего острова. В наших ушах все еще стоял отдаленный гул падения Брандея, грохот волн, обрушивающихся на берега Атлантиды, а в сердцах горела жажда мести... Белые башни росли вдоль границы тектонического разлома, проходившего в гористой местности, невдалеке от берега того самого теплого, синего и соленого моря.

Почти все амулеты, спасенные с Атлантиды, были распределены по всем башням. Эта машина требовала гораздо меньше крови, чем первый накопитель, зато жизненно необходима была синхронная работа всей системы башен. Потому мы связали их сигнальными постами, на которых над сложенными, но не зажженными кострами круглосуточно дежурили воины.

– Основной ряд башен полностью готов, – докладывал Схарм, водя пальцем по карте. Жгучее солнце этого мира сделало его похожим на чернокожего разбойника, к тому же Схарм любил цеплять на себя золотые побрякушки, а бритую голову повязывал платком. – Детали машины я сейчас устанавливаю. На это потребуется самое меньшее неделя.

– Долго, – поморщилась Лероннэ. – Как все здесь долго!

– Терпение, сестра, – Дарнар высокомерно взглянул на черноволосую волшебницу. Будь на месте моей прекрасной альвийки Кали, она бы оскалилась как дикая кошка. Не терпела она высокомерия... Лероннэ куда сдержанней. Но Кали сейчас с нами не было...

– Как только машина заработает в полную силу, – пояснил инженер Юргнорд, – мир вскроется и магия хлынет в него. По характеру потоков мы сможем судить о причинах и свойствах закрытости мира... Единственное, чего я пока не могу предусмотреть, так это последствий мощного удара магии по материи этого мира. По закону равновесия сил магия с большой скоростью устремится туда, где ее не хватает. При этом образуется нечто вроде огромной приливной волны. Боюсь, нас может просто-напросто сжечь...

Мы мрачно переглянулись. Еще одно препятствие! Сколько их мы уже преодолели! Но если уж мы пережили падение Брандея и нашли в себе силы трудиться во имя Хаоса дальше – то и это нас не остановит.

– А что будет с миром? – поинтересовался Схарм.

– Думаю, его тоже выжжет...

Что ж, жаль, конечно, но одним миром больше, одним меньше... Упорядоченное велико, оно эту потерю даже не заметит. Главное – нам самим уцелеть.

Юргнорд, помощник Дарнара, склонился над картой.

– У нас есть схема магической защиты, – сказал он. – Когда-то мы разрабатывали ее для брандейских скал... Здесь мы вполне сумеем ее поставить – для себя, конечно, на большее сил не хватит. Но дело в том... – он с сомнением поглядел на нас, – что нам дополнительно потребуются амулеты. Тогда может не хватить Силы для работы машины.

– Какой смысл запускать машину, если нас сожжет и некому будет воспользоваться результатами? – хмыкнула Лероннэ, поправляя черную прядку, выскользнувшую из сложной прически. Ох, уж эти прядки!.. В свое время они сводили меня с ума. А сейчас... сейчас я больше дух, чем Рейнгард Лис, гроза женщин и торговцев.

– Ты права, – я притянул ее к себе. – Мы не можем рисковать собой.

– Но машина...

– Машиной мы тоже рисковать не станем, – ответил я. – Вы забыли – здесь слабо, но работает магия крови. Дар, нам нужно рассчитать, сколько амулетов уйдет на нашу защиту и сколько крови потребуется, чтобы возместить их силу.

– Уж крови здесь должно хватать, – пробормотал Киштитф.

Дарнар вел расчеты несколько дней. За это время мы закончили монтировать части огромной машины в башнях, цепь которых протянулась вдоль разлома аж до края континента.

И наконец пришел день, когда мы снова собрались в просторном зале под огромным символом Хаоса, чтобы попытаться взломать этот мир и довершить дело, которое было нам поручено на Брандее.

Под каждым лучом Звезды Хаоса было установлено каменное ложе, опутанное серебряными и медными цепочками с подвешенными на них мелкими амулетами и склянками с магическими снадобьями, замешанными на свежей крови. Каждое ложе покрывала вязь защитных символов и рун. На Брандее подобная защита казалась бы абсолютной и даже излишней – а здесь?..

– Вы пользовались когда-нибудь такой защитой? – с подозрением спросила Лероннэ. Должно быть, ложа, похожие на паутинные коконы, внушали ей глубокое недоверие. Но Дарнар спокойно ответил:

– Нет, но это старая схема, очень надежная. Еще в Хьерварде ее несколько раз пересчитывали и никакой ошибки не нашли. Защита абсолютно надежна и универсальна.

– Ну что, – спросил младший гоблин, Гарсааш, – начинаем?

И первым направился к своему защитному ложу. Остальные последовали его примеру.

Я помедлил. Не то чтобы я не доверял нашим инженерам... Но я никогда и никому полностью не доверял, а после неудачи в Атлантиде – не доверял и машинам. Потому под туникой на шее у меня висел один из сильнейших амулетов, принесенный с Брандея, – Звезда Хаоса. Если что-то пойдет не так, у меня будет с собой резерв Силы...

– Зажигай! – взревел Киршстиф, прежде чем укрыться под магической завесой.

Часовой, дежуривший на сигнальном посту рядом с башней, мгновенно сунул головню под разложенный в большом каменном очаге хворост. Огонь вспыхнул. Часовой откатил от стены большое бронзовое зеркало, с натугой повернул его и установил так, чтобы усилить свет. На противоположном посту, едва виднеющемся в дымке, через миг вспыхнул ответный огонь. Мы не сомневались, что сигнальные огни сейчас бегут цепочкой вдоль всего побережья и везде смотрители башен сломя голову бросаются на свои места. Выдергивают страховочные ленты из-под брандейских амулетов, вдвигают их в гнезда в центре похожих на нашу Звезд, только меньшего размера. Замерев от страха, смотрят, как амулет оживляет мертвые металлические лучи...

Мы сразу поняли, когда подключилась последняя Звезда. Земля мучительно вздрогнула, как будто ее пытались вывернуть наизнанку. Собственно, так оно и было... Под ногами возник и стал расти низкий, вибрирующий гул. Люди, присутствующие в зале, в ужасе попадали на пол, закрывая головы руками, а над нашими каменными ложами начала сгущаться голубоватая мерцающая дымка магической защиты. Дарнар повернулся к нам на своем месте и слегка развел руками: видите, мол, даже вполсилы система работает отлично.

Схарм последним нырнул под свой магический щит – сначала еще раз обошел зал, проверяя, все ли в порядке. Схарм был самым недоверчивым и подозрительным из нас – наверное, потому, что в магии не блистал выдающимися талантами. Скажи тогда кто-нибудь, что мне придется не однажды обращаться к нему за помощью, – я бы только рассмеялся. Схарм оценил подготовку и остался доволен. Амулеты уже были вставлены на свои места в Звезде – кроме одного, последнего. Схарм легко загнал его на место и махнул стражникам, чтобы начинали. Кровь все же была нужна – и она полилась в чашу.

Но на этот раз ошибаться мы не собирались.

Я чувствовал, что совокупная мощь башен начинает действовать. Все шло так, как и предсказывали свитки с расчетами. Основы этого мира под воздействием машины расшатывались все сильнее. Шестым чувством мага я ощущал, как ломаются скрепляющие мироздание законы, как поддается оболочка, закрывающая этот мир от остального Упорядоченного, как внешняя магия рвется внутрь. Еще немного – и случится великий катаклизм... или, как говорил Киршстиф, Великое Открытие. Наши следящие амулеты продолжали работать. Впоследствии мы извлечем из них сведения обо всех изменениях, произошедших с потоками Силы и с основами этого мира...

Но что-то пошло не так. Что – я до сих пор так и не понял... Может быть, мы ошиблись в расчетах, может, допустили оплошность при строительстве башен. Но, скорее всего, ошибка снова исходила от людей. Мы вынуждены были полагаться на их помощь – и каждый раз они не оправдывали наших ожиданий. Слабые, ненадежные существа...

Я почувствовал, как в согласное гудение башен врывается посторонний звук. Словно гигантский волчок, до того крутившийся ровно, потерял скорость и стал заваливаться набок... Сила, которая копилась в башнях, стала слишком нестабильной. Она изливалась из Звезды Хаоса наружу толчками, грозя сжечь всякого, кто мог оказаться рядом. Била по нашей защите голубоватыми молниями.

Где-то далеко-далеко закричали мои товарищи. Я слышал голос каждого из них. Я чувствовал муки раздираемого на части мира. Машина работала теперь с перебоями, но основа мира стала уже слишком нестабильной, слишком рыхлой. В любой момент мир мог либо расколоться на части, либо сгореть, либо – если процесс обратим – вернуться к своему преж-

нему состоянию. Я ощутил, как во мне растет отчаяние. Мы не успели завершить эксперимент! Мы опять не справились!

О себе я не беспокоился – магическая защита Дарнара дала бы нам возможность выжить даже в Изначальном Пламени. Недолго, правда... но я не думал, что дойдет до этого. Наше дело – вот что было важнее всего. Возможность получить единственное оружие против тех, кто уничтожил Брандей. И мы сами, как здешние люди, не оправдали возложенных на нас ожиданий...

Дрожь земли перешла в глухие содрогания, похожие на родовые схватки. Мир все-таки начал распадаться. Дымка магической защиты сгустилась так, что я уже не различал свет окружающего мира. Только яростные сполохи вырвавшейся наружу Силы. Я пробовал защиту на прочность, я обращался к своему амулету – все напрасно. Мы были бессильны что-либо предпринять.

– Схарм! Киршстиф! Что делать?! Ответьте!..

Внезапно земля сотряслась до самых своих корней. Мне казалось, что я слышу многоголосый вопль ужаса, доносящийся снаружи. Звезда Хаоса, которую я смутно различал сквозь помутневшую пелену защитной магии, внезапно померкла, неуверенно вспыхнула и снова померкла. В башне сгущалась тьма. На несколько мгновений все стихло...

Еще удар, сильнее прежнего. Стены нашей башни, похоже, начали рушиться, потому что в кокон пришлось несколько сильных, смягченных защитой ударов. Я по-прежнему видел только смутные вспышки и слышал далекий гул. Я чувствовал, как рвутся сдерживающие мир скрепы... И тут ударило в третий раз. Ослепительный белый свет вспыхнул снаружи. Но сдерживающая и направляющая магия брандейских амулетов все еще работала, потому что вырвавшаяся Сила не рассеялась в пространстве, а побежала по лучам Звезды вниз и ударила в наши ложа. Защитная магия притянула ее, как магнит... В последний миг перед ударом я попытался закрыться руками – тщетно! Защитный кокон вспыхнул. О, какой же он был горячий! Я ощутил, как нечеловеческая сила выкинула меня с магического ложа. Но защита, как ни странно, продолжала работать. Я летел, кувыркаясь, сквозь пламя и камень, спеленутый своим голубоватым коконом по рукам и ногам. Магия обжигала, давила, душила... Я так и не помню конца полета, потому что через несколько мгновений мир мило-сердно оставил меня.

Галя, 18 июня

Отойдя на безопасное расстояние от музея, я позвонила Антону и доложила обстановку. Как он орал в трубку! Как орал! Никогда мой телефон еще не слышал выражения такого гнева и отчаяния.

– Да ты понимаешь, в какое дерьмо мы вляпались? – выл мой напарник. – Заказчик уже оплатил картину! Мы не можем ее не привезти!

– А если деньги вернуть?

– А репутация?!

– Да и леший с ней, – я пожала плечами. Бывает, что иногда приходится жертвовать репутацией...

Антон замолчал и с минуту сопел в трубку, словно собираясь с силами. Я насторожилась. У Антона, при всей его деловой хватке, был один большой минус – он слишком любил роскошную жизнь. Я не раз говорила ему, что если он хочет жить долго и счастливо, то должен жить по средствам. Как же я была права!

– Я уже все потратил, – наконец признался он. – Только твоя доля осталась.

А моя доля составляла жалкие двадцать процентов от всей суммы...

– На что? – угрожающе спросила я. Так угрожающе, что проходившая мимо тетка опасно на меня покосилась.

– Я расплатился за «Ровер». Ну, в клуб вчера ходил, в турагентство заехал, то-се...

– Так верни машину!

Антон вздохнул:

– Вернуть не могу, только продать... но, во-первых, это займет время, а у нас с тобой меньше трех дней в запасе. А во-вторых, думаю, нужной суммы я все равно не наберу.

От неминуемой гибели Антона спасло только то, что он сейчас находился в четырех сотнях километров от меня.

– И что теперь делать? – спросила я, справившись наконец с желанием немедленно придушить партнера по бизнесу.

– Я думаю, надо искать оригинал. Ты же сама сказала, что копия свежая...

– Ты сам понимаешь, что говоришь?!

– Галка! Послушай! – взмолился Антон. – У нас нет другого выхода. Мы не можем вернуть деньги...

– ...потому что ты их бездарно спустил!

– ...и не можем подсунуть клиенту копию. Тогда уж лучше сразу повеситься. Это серьезные люди, Галя! С ними не шутят. Ты даже не представляешь, насколько серьезные.

– Идиот! Ты... Я тебя... Да как ты мог?!

Старушки, торговавшие возле гастронома молодой зеленью и клубникой, дружно и с большим интересом уставились на меня. Пришлось перейти на полусшепот – вопреки раздрававшему меня гневу.

– Я понимаю, Галка, – смиренно сказал Антон. Когда надо, он мог быть таким покладистым! – Слушай, я приеду к тебе завтра вечером и помогу. За завтрашний день постараюсь вернуть хотя бы часть денег, а ты там пока начни поиски. Да расспроси этих музейных крыс, наверняка кто-то из них картину и загнал. Все равно кто-то что-то знает. Постараемся выкупить полотно. Все будет хорошо, солнце, не нервничай!

Нажав отбой, я отошла за угол и там несколько минут ругалась, как пьяный слесарь. Шепотом. Нужно было выпустить пар... Ведь не в первый раз Антоша меня так подставляет! Вспомнить хотя бы тот случай, когда он притащил меня проводить экспертизу полотна Айвазовского к какому-то криминальному авторитету. Айвазовский оказался подделкой, причем

дурного качества... мы тогда оттуда еле ноги унесли. А когда он втянул меня в то дело с поддельным завещанием одного олигарха, владельца заводов, газет, пароходов и большой коллекции предметов искусства? А экспертиза клада, после которой нас чуть не расстреляли как ненужных свидетелей? Сколько раз Антон уговаривал меня за мзду писать фальшивые экспертные заключения! Я ни разу не согласилась, хотя дело порой доходило чуть ли не до драки. Да, наш бизнес не самый честный, но и в нем должны быть какие-то правила, разве нет?

Наши отношения с Антоном сейчас на самом деле исчерпывались словом «партнерство», хотя бывали у нас и другие времена. Мы с ним вместе учились и на третьем курсе пережили бурный роман. Думали даже пожениться. Потом Антон открыл, что я обладаю удивительной способностью определять подлинность и даже личность автора любого произведения искусства, – и с тех пор мы вместе работаем. Мы и живем вместе, но уже скорее по привычке, чем по любви. На самом деле у каждого из нас своя жизнь, свой круг общения, свои пристрастия, но мы друг другу не мешаем.

За исключением некоторых, весьма прискорбных, случаев.

Я в глубокой задумчивости убрала телефон в карман и не торопясь двинулась вдоль по улице. Я смутно помнила ее – эту длинную центральную улицу, делившую город надвое. Называлась она, естественно, улицей Ленина. От музея меня сейчас отделяли два квартала – и множество новых проблем, которые надо было обдумать. Дневная жара уже спала, на улицы вернулась жизнь. На крошечных балконах старых домов появились граждане города Северо-Каменска. Кто курил, кто поливал вялые петунии и бегонии, кто развешивал белье, кто просто наблюдал за прохожими. На подоконниках возлежали кошки, глядя на городскую суету с королевским презрением. Над крышами с визгом носились ожившие к вечеру стрижи. Милая провинциальная жизнь... Но тем важнее было не расслабляться, не злиться и не впадать в панику, а трезво и быстро оценить происходящее

Итак, что мы имеем? Мы имеем поддельную картину художника Порфирия Бесчастного – точнее, две картины. Под встревоженным оком Ольги Николаевны я осмотрела все полотна в хранилище – и пришла к выводу, что подделаны только два. «Хаос» и «Бездна». Подделаны они с фотографической точностью, на первый взгляд от оригинала не отличишь. Особенно это важно было для «Хаоса», на полотне которого каждая цветная точка имела свое определенное место. Если бы не краска, которая не успела просохнуть, и не мой дар, боюсь, получил бы наш серьезный заказчик копию... Ольга Николаевна клялась, что, во-первых, она тут совершенно ни при чем, а во-вторых, никто чужой в музее вроде бы не появлялся. По крайней мере из тех, кто интересовался бы Бесчастным и его картинами. Я верила ей: в ее интересах было поспособствовать успешной продаже «Хаоса». Иначе ведь как – нет картины, нет и денег.

Но были еще три обстоятельства, которые меня очень настораживали.

Во-первых, автор копий. Очень уж слабым выглядел отпечаток личности художника для такого свежего полотна. Если бы картине было лет пятьсот – тогда, конечно, ничего удивительного. Ауры мастеров со временем меркнут, причем сообразно даже не степени старения красок, а глубине и силе личности художника. Попадались мне очень поврежденные полотна, на которых оттиск личности автора сохранился куда лучше изображения. Здесь же мастер едва угадывался. Как будто машина работала... Но ведь машины не пишут картины маслом? А еще этот художник казался мне знакомым. Как будто я уже где-то встречала его работы, только где? Когда? Как я ни старалась, вспомнить этого я не могла.

А второе обстоятельство содержало в себе случайную встречу. Ох, когда дела складываются таким образом, как сейчас, перестаешь доверять случайностям. Все время кажется, что они несут в себе важный, но пока не понятый смысл, и от того, как быстро ты его поймешь, зависит... Иногда многое зависит. Жизнь, например.

В дверях музея я столкнулась нос к носу с незнакомцем из поезда – тем самым, у которого на шее видела подвеску в форме звезды Хаоса. Он зачем-то шел в музей. Я невольно глянула на ворот его рубашки, увидела под ним тонкий шнурок и вздрогнула.

Мужчина придержал дверь, пропуская меня, потом посмотрел мне в лицо и узнал.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он.

– Здравствуйте, – пробормотала я и поспешила пройти мимо, преследуемая воспоминанием о его подвеске. Не такой уж я впечатлительный человек, но в жизни встречаются вещи, которые пугают совершенно необъяснимо. Люди, которые боятся пауков или змей, прекрасно меня поймут.

Сейчас я жалела, что так быстро ушла. Надо было остаться и выяснить, к кому пришел этот кареглазый незнакомец...

А третьим нехорошим обстоятельством стала Ольга Николаевна. Когда я осмотрела картины и вынесла вердикт: «Я не знаю, что делать дальше», она задумалась. Потеребила подвеску в виде серебряного диска с рунической надписью по окружности – леший бы побрал эти подвески! Потом сказала:

– А ведь я знаю место, где вам могут помочь. И вам, и мне.

– Только не говорите, что это полиция...

– Нет, – тонко улыбнулась Ольга Николаевна. – Но вы ведь заметили, что на вас в музее почти никто не обратил внимания? Вы прошли как тень, а между тем это – результат работы моих друзей. И сейчас, я уверена, нам с вами помогут. Только надо будет немного заплатить.

– И кто эти ваши друзья?

– Это Братство магов Хаоса, – спокойно ответила Ольга Николаевна. – Я в нем состою.

Я едва не плюнула с досады. Никогда не любила оккультистов... Но потом подумала, что мне сейчас не помешают новые контакты. Кто знает, может, сама музейщица еще разговорится? А может, я сумею в этом Братстве что-то узнать о краже картин? Ведь город маленький, и людям здесь известно друг о друге куда больше, чем в мегаполисе...

Так или иначе, сейчас я медленно приближалась к месту сбора Братства, которое было назначено в местном доме культуры, как раз в начале улицы Ленина. Не могу сказать, что перспектива меня радовала. Но если я сейчас куплю себе эскимо в ближайшем гастрономе, вполне вероятно, что смогу пережить сходку оккультистов без больших потерь для организма...

На маленькой площади перед массивным зданием ДК уже толпился народ. Видимо, все ждали начала собрания. Я прогулялась, украдкой разглядывая тех, кто пришел. Что, все они маги Хаоса? Чуть какая-то! Люди здесь собрались самые разные, но все-таки они не казались какими-то особенными. Я увидела и очень молодых ребят, явно старшекласников, и пенсионеров, по большей части пенсионерок, и граждан в самом расцвете работоспособности. Похоже, в маги Хаоса здесь записывали всех без разбора... Люди тихонько переговаривались, смеялись, здоровались с подошедшими. Похоже, они все были между собой знакомы. Неудивительно: город-то маленький...

Наконец я увидела Ольгу Николаевну, которая спешила ко мне через толпу. Мы едва успели кивнуть друг другу, как в ДК открылся боковой вход, и всех пригласили внутрь.

– Пойдемте, – Ольга Николаевна подхватила меня под локоть и решительно повлекла за собой. – Вот увидите, Старший Брат может помочь в любом деле, даже в самом затруднительном. Старший и все остальные. Мы сильны только вместе...

– Так, может, мне не обязательно было сюда приходить? – Честно говоря, мне было не по себе от этого сборища хорошо знакомых «магов». Очень уж все это смахивало на секту – а сектантов я побаивалась. – Вы бы и попросили помочь. Вас тут все знают...

– Сегодня не моя очередь, – загадочно ответила Ольга Николаевна, пропуская меня в дверь. – А вы – новенькая...

Мне не понравилось такое начало, но, похоже, ничего не оставалось, как войти внутрь. А там будь что будет...

Дом культуры, подобно всему центру Северо-Каменска, тоже представлял собой образец архитектуры пятидесятых годов. Кажется, в любом городе эти культурно-культурные сооружения были одинаковыми: с массивными колоннами перед фасадом, вытертым паркетом и хрустальными люстрами под потолком. На входе в большой зал стоял крепкий молодой человек с бесстрастным лицом профессионального секьюрити и внимательно присматривался к каждому входящему. Иногда он просил предъявить – нет, не билеты, а какие-то небольшие предметы, не то миниатюрные фигурки, не то подвески. Если «пропуска» не оказывалось, секьюрити интересовался, с кем посетитель пришел. Если же не оказывалось и рекомендаций – посетитель вежливо отправлялся восвояси. На моих глазах вышибала завернул хлипкого паренька в бейсболке и широких джинсах хип-хопера. Тот ушел, явно расстроенный. Ольга Николаевна гордо прошла мимо секьюрити, ведя меня под руку. Ни она, ни я никаких подозрений не вызвали. Видимо, музейщицу знали здесь очень хорошо.

В зале было полутемно, пахло сухим деревом и пыльными порттьерами. Мы сели на крайние кресла на третьем ряду. Я украдкой огляделась. Народу набралось немало: человек сорок или пятьдесят. Все с видимым волнением ожидали начала и то и дело бросали взгляды в сторону сцены. Я повернулась к сцене, освещенной несколькими софитами, и чуть не упала с кресла. На облезлом деревянном полу красной краской была тщательно нарисована большая октаграмма с вписанной в нее Звездой Хаоса. Очень похожая на ту, которая привиделась мне в кошмаре с локомотивом.

– Что здесь, к лешему, происходит? – пробормотала я.

– Как что? – удивилась музейщица. – Магия! Галина, вы все сейчас увидите сами. Не бойтесь...

Тут прокашлялся микрофон, и зал притих. Свет, и так горевший вполсилы, погас. Остался один-единственный софит, освещавший октаграмму на сцене.

– Доброго вам вечера, братья и сестры! – возвестил мужской голос откуда-то из-под потолка. – Я пришел к вам! Я, ваш Старший Брат!

По залу прокатился восторженный вздох. Голос был глубок и звучен, от него мурашки бежали по коже. В нем ощущалась уверенность и скрытая мощь. Да за человеком с таким голосом можно было пойти на край света! Будь я более впечатлительной – непременно прониклась бы, но слишком хорошо я знала, с какой целью обычно используется таинственный антураж и глубокий, звучный голос.

– Сегодня мы шагнем еще ближе к истинной свободе. Мы станем еще ближе друг к другу. И Хаос будет благосклонен к нам...

Из тьмы закулисья на освещенный пяточок сцены выступил человек, довольно высокий, худощавый, похожий на Христа, каким его изображали во времена Веронезе. Одет он был в просторную белую рубашку и узкие брюки. Длинные, чуть вьющиеся темные волосы картинно ниспадали на плечи. Руки он сцепил перед собой, а взгляд темных, глубоко посаженных глаз устремил в зал, глядя словно бы на всех вместе и на каждого в отдельности. На его шее висели несколько цепочек и шнурков с подвесками-амулетами, а волосы были перехвачены узким металлическим обручем. На обруче тускло блеснул диск, в середине которого переливался перламутрово-серый камень. Вроде бы простая вещица, но при одном взгляде на нее мне стало так же дурно, как утром в поезде при виде подвески-звезды. И это мне не почудилось. Камень на лбу мужчины действительно что-то излучал – не отпечаток ауры сделавшего ее мастера (я вообще не представляю, кто мог изготовить такое), но скрытую

и враждебную мощь. Как если бы я обрела способность ощущать радиацию или сильное электромагнитное поле...

– Мы – одна семья, братья и сестры... В мире, где правят несправедливость и насилие, только мы помогаем друг другу. Только мы можем противостоять жестокости и злу. И только Хаос, несущий в себе зерно истинного творения, исток творчества и радости, служит нам опорой.

Я слушала, как тот, кто называл себя Старшим Братом, роняет в зал такие обнадеживающие слова, и все больше разочаровывалась. Это настоящая секта – и я зря сюда пришла. Человеку со стороны эти закрытые общества не доверяют. Новичок должен либо стать своим, либо уйти. Мне здесь не помогут – это совершенно точно. Я только зря теряю время.

Но серебристый полумесяц на лбу у Старшего Брата против воли притягивал мой взгляд. Что же это, леший его побери, такое?!

– Мы собрались здесь снова, чтобы вновь объединить силы, помочь одному из наших братьев...

Ну точно, сейчас начнется обычная «ритуальная» тягомотина. Не то чтобы я была экспертом по сектам и тайным обществам, но я слишком долго вращалась в определенных кругах, где не слишком дружили с законом. Моя работа быстро учит недоверчивости, так что мошенников я за километр чуяла.

– Я пойду, – я попыталась встать, но Ольга Николаевна проворно схватила меня за руку.

– Сиди, – прошипела она. – Сейчас самое интересное начнется!

Я села, чувствуя, что начинаю закипать. Да что тут может быть интересного?.. За исключением, пожалуй, серебристого амулета-полумесяца...

– Сегодня нашей помощи просит Михаил, один из самых верных наших братьев. Поднимись ко мне, Михаил.

На сцену, от волнения спотыкаясь, поднялся рыхлый мужчина лет сорока, обильно потеющий даже в тонкой рубашке. Под мышкой он держал черную кожаную папку, а на лице его застыло выражение растерянности. Прямо-таки человеческое воплощение всех бухгалтерских проблем.

Мужчина деревянной походкой прошел в центр сцены и остановился на середине октаграммы.

– Наш брат Михаил находится в трудной ситуации, – сказал Старший Брат, плавно обходя октаграмму. – Вы все помните, что он добросовестно помогал каждому из вас, братья и сестры... настал ваш черед помочь ему. Ваш черед обратиться к силе великого, древнего, вечно-творящего Хаоса... Помните, каждый раз, когда вы помогаете нашим братьям и сестрам, вы приближаете чудо, которое свершится с вами...

К моему удивлению, на сцену стали подниматься люди из зала. Молча они становились в определенные точки на октаграмме – видимо, проделывали это уже не один раз. Ольга Николаевна тоже встала со своего места, выразительно взглянула на меня – но я не очень-то хотела принимать участие в ритуальных действиях. Она пожала плечами, поднялась на сцену и встала на один из лучей октаграммы, боком ко мне.

– Достаточно! – провозгласил Старший Брат – видимо, все нужные точки были заняты. Он откуда-то извлек остро блеснувшую под светом софита булавку – по крайней мере, издали мне показалось, что это булавка, длинная, с головкой в виде большого страза. – Готов ли ты, брат Михаил, принять нашу помощь?

– Готов, – ответил бухгалтер и сглотнул.

– Твой помощник с тобой?

– Да, – Михаил вытащил из-под рубашки какую-то фигурку на шнурке. И тут подвески...

– Готовы ли вы, братья и сестры, помочь вашему брату в беде?

– Готовы, – нестройно отозвались сектанты.

– Да придет Хаос! – театрально воскликнул Старший Брат и начал новый обход октаграммы. Адепты протягивали ему руки – с трепетом, с восторгом. Он брал каждого за кисть и сильно ударял булавкой в кончик пальца – примерно так же, как делает медсестра, когда берет анализ крови. Булавка была на всех одна. По-моему, адепты очень рисковали получить какую-нибудь передающуюся с кровью заразу. Но никто и не думал возражать!

Каждый, кого уколол Старший Брат, стряхивал с пальца капли крови на линии октаграммы. Они взмахивали руками в медленном, четком, только ими ощущаемом ритме. Поначалу это выглядело просто ритуальными действиями, и я даже подумала, а не уйти ли мне сейчас, пока внимание оставшихся зрителей привлечено к сцене. Но потом началось такое...

В зале стало совсем душно. Темнота сгустилась, а тонкие линии октаграммы засветились белым светом. Стал ясно виден каждый завиток рисунка, каждый значок. На лице брата Михаила, стоящего в центре, застыло выражение страха, но он крепко сжимал в руках свою папку. Амулет на шнурке, так и висящий поверх рубашки, тоже засветился. Темные капельки крови продолжали срываться с рук – и впитываться в светящиеся линии. Как они это делают?! Я вскочила с места, стараясь разглядеть происходящее получше, – и тут тусклое сияние окутало всех находящихся в октаграмме: и Михаила, и других сектантов, и Старшего Брата, который встал позади Михаила. Переливчатый камень на его лбу тоже налился светом, только бледным, призрачным, отчего становилось еще страшнее. Лицо его исказилось, словно от боли. Послышалось тихое гудение, становившееся все громче. От сцены теперь исходило волнами то же тошнотворное ощущение, что и от виденной мною в поезде звезды. Словно там пробудилась еще одна сила, исходившая теперь из фигуры на полу. Когда первый шок прошел, я обратила внимание, что сектанты взмахивают руками реже и с усилием, словно светящаяся дымка мешает им. А дымка сконцентрировалась в двух местах: возле амулета, висящего на шее брата Михаила (по лицу которого теперь ручьями струился пот), и камня Старшего Брата. Она втягивалась в амулеты, как настоящий дым! Открыв рот, я несколько секунд глядела на это, пока дымка полностью не исчезла, а гудение не прекратилось. По залу пронесся вздох облегчения. Старший Брат улыбнулся и поддержал за плечи несчастного бухгалтера, который, похоже, был вне себя от счастья, что все закончилось.

Однако фигура на полу хоть и потускнела, но совсем не угасла. Члены секты продолжали стоять на своих местах, покачиваясь, словно в трансе. По лицу Ольги Николаевны блуждала рассеянная улыбка. Так вот как она, значит, пыталась обеспечить успех своему предприятию по продаже картины... Только магия что-то не сработала!

– Я вижу в зале человека, который пришел сюда впервые, – произнес вдруг Старший Брат, и звук его голоса развеял наваждение. Люди на сцене открывали глаза и озирались, но с места никто не сдвинулся.

Старший Брат указал на меня и ободряюще улыбнулся. Я похолодела.

– Я вижу, сестра, что ты, как и все мы, страдаешь в этом мире и ищешь помощи. Не бойся, здесь тебе помогут. Поднимись к нам. Ну же, иди!

Не знаю, как это у него получилось, но ноги мои двигались против воли, как во сне. Я прошла между креслами и остановилась перед сценой, чувствуя устремленные на себя взгляды. Старший Брат покинул октаграмму и стоял на краю сцены, с улыбкой глядя на меня. Снизу он казался таким высоким, таким недоступным, таким... святым. Если бы я не ощущала так хорошо средоточие его могущества, находившееся у него аккурат над бровями, я бы, наверное, замерла от восторга. Потому я как могла старалась воспротивиться воздействию этой силы. Я же видела, что его личное обаяние – только часть образа, что здесь замешано что-то еще, непонятное и страшное. Куда лично я предпочла бы не лезть.

– Поднимайся же, – повелел Старший Брат. Я спиной ощутила недовольство сектантов: эта новенькая заставляет себя ждать. С удивлением я обнаружила, что зубы у меня сжаты изо всех сил. С трудом я заставила себя открыть рот.

– Спасибо, нет, – я набрала побольше воздуха и заставила зубы не стучать. – Я передумала. Мне не нужна помощь.

Зал затих. Если бы Старший Брат приказал, эти люди, наверное, растерзали бы меня на месте. Но в планы предводителя самосуд не входил.

– Жаль, – промолвил он и присел на краю сцены, оказавшись гораздо ближе ко мне. Мощь, излучаемая его амулетом, стала почти осязаемой. После ритуала с кровью она выросла, и выросла сильно. От нее мне становилось плохо, кружилась голова. Как же они это проделывают?..

Но гораздо больше любопытства меня терзало сейчас желание оказаться как можно дальше отсюда. И никогда, никогда больше этого не видеть.

– Я уверен, что мы еще встретимся. – Старший Брат поднял руку, и не успела я отдернуться, как он коснулся благословляющим жестом моего лба. Я вздрогнула, повернулась и, не чуя под собой ног, выскочила из зала. Надеюсь, бежала я не очень быстро...

На пороге дома культуры я немного отдышалась. Уже заметно вечерело, в небе сгустилась сиреневая пелена, пахнувшая дымом. Где-то недалеко от города горел лес. Дождей не было уже давно...

Я села на скамейку и попыталась обдумать то, что сейчас увидела. Разумеется, Братство Хаоса – всего лишь оккультная секта, а ее руководитель – мошенник, каких поискать. Но я ничем не могла объяснить спецэффекты, которыми Старший Брат привлекал свою паству. Если бы это было кино! Но в том-то и дело, что и светящуюся октаграмму, и дымку, которая была скорее сгустившимся светом, и дымящуюся черную кровь – все это я видела наяву. Разве что в воздух зала подмешали какой-то галлюциноген?.. Но тогда у всех присутствующих были бы разные видения. Ну или схожие, но все-таки – разные.

А этот переливчатый камень... И эта звезда, которую я видела в поезде... Я ничем, ничем не могла объяснить впечатления, которое они производили. Легче было признать, что я сошла с ума. Но ведь я же могу видеть ауру давно умершего художника на картине и отличать ее от других? И это не морок, я этим деньги зарабатываю... Так почему же не быть каким-то другим вещам, к которым я восприимчива, в отличие от остальных людей?

От сумбурных мыслей меня отвлек телефон. Звонил Майк.

– Галка, ты где? Все еще в своем музее?

Я объяснила, где я. Братец понимающе хмыкнул – у меня создалось впечатление, что он откуда-то знал, где я только что побывала.

– Забрать тебя оттуда?

– Да уж, пожалуйста!

– Тогда жди. Ты как, не очень еще устала? Может, покатаемся на сон грядущий?

– Ну покатаемся... – без энтузиазма согласилась я. Честно говоря, я устала. Но и домой не хотелось – что я буду там делать?

Только пилить себя за то, что ни на шаг не приблизилась к решению своей главной проблемы. За все время, что я провела в ДК, я ни разу даже не вспомнила о картине. Напротив, я сбежала, бросив Ольгу Николаевну, не заручившись ее поддержкой... а ведь она могла бы по-настоящему помочь.

Чтобы немного успокоиться, я прошлась вдоль фасада ДК, а потом встала на углу. Наверняка эти самопровозглашенные маги Хаоса скоро повалят на улицу – не хотелось бы мозолить им глаза. Но через минуту я услышала далекий рев – как будто сюда мчался рой разъяренных ос, и каждая размером с хорошего быка.

Вскоре из-за поворота вылетела группа мотоциклистов, впереди которых мчался Майк на своем желто-черном байке. Правда, назвать байкерами их всех я бы не смогла. Примерно у половины ребят вместо мотоциклов были скутеры и мопеды – впрочем, это никого не смущало. Зато почти все носили полагающуюся экипировку: куртки, специальные штаны, наколенники, шлемы... Видно, что к своему занятию ребята относятся серьезно. Но все же один байк из всех оказался настоящим колесным монстром: черный, массивный, расписанный устрашающей аэрографией, на котором восседал бородатый коротышка в темных очках.

Вся компания – а их было около десятка – остановилась в отдалении, не выключая моторов. Только Майк на своей желто-черной «Хонде» лихо тормознул возле самых моих ног.

– Привет, – сказала я, не в силах сдержать улыбку. Вообще-то я не заказывала группу сопровождения, но поглядеть на друзей моего брата было интересно.

Майк снял шлем – темные волосы растрепались под теплым ветерком. Улыбнулся в ответ.

– Ну что, полюбовалась на Братство магов? Быстро осваиваешься.

– Не жалею, – я пожала плечами. Впрочем, что я удивляюсь? Город же маленький. Здесь все про всех знают.

– Поехали? – Майк кивнул на пассажирское место.

– Далеко?

– Увидишь, – Майк загадочно улыбнулся. – Уж это будет поинтереснее Старшего Брата, я тебе обещаю.

– А откуда ты...

– Да об этом все знают, – засмеялся Майк. – Кто хочет, вступает в Братство, но по мне, так их покупают дешевыми эффектами.

У меня возникло такое же чувство, но я не удержалась от замечания:

– Майк, там на самом деле происходит нечто странное...

– Странное? – Майк сплюнул. – Ну да. Магия. Она здесь работает – мы же близко к лабиринту.

– Близко к чему?

– Поехали, покажу.

Он протянул мне шлем, а сам махнул рукой кому-то из приятелей. К нам подкатил тот самый черный мотоцикл непонятной марки. Он больше походил на чужого, прикинувшегося транспортным средством. Трансформер, точно. Коротышка, восседающий на нем, приглушил двигатель.

– Галя, познакомься, это Кварц, мой друг и соратник. На самом деле его, конечно, зовут по-другому... но это не важно. Кварц, это моя двоюродная сестра Галя.

Бородач приветственно поднял руку в кожаной перчатке. Я шутиливо поклонилась. При ближайшем рассмотрении Кварц выглядел уж очень чудно: вроде бы не карлик и в то же время ненормально низкий и плотный человек. На вид ему можно было дать лет сорок пять – пятьдесят, в бороде уже мелькали седые пряди. Борода – загляденье, причесанная, частично заплетенная в косицы, ее так и хотелось потрогать. К мотоциклетному шлему были приварены рога, украшенные чеканным орнаментом. Вот бы не подумала, что в таком медвежьем углу, как Северо-Каменск, можно встретить столь необычных типов!

– Ну что, прокатим мою сестричку по местным достопримечательностям?

– С ветерком! – охотно согласился Кварц.

Возражать ему не очень-то хотелось. К тому же в поездке я буду иметь полное право игнорировать истеричные звонки от Антона. А я предчувствовала, что вскоре он начнет мне названивать и спрашивать, как движется поиск «Хаоса».

«Хаос»... и в Братстве тоже Хаос. Как интересно!

Впрочем, связано ли одно с другим, я успею додумать позже. Майк уже совал мне в руки шлем. Я без разговоров надела его и села на пассажирское место. Кавалькада дружно взревела моторами и тронулась. Ехать куда-то с группой незнакомых парней – не самое разумное решение, но эта мысль пришла мне в голову слишком поздно. Впрочем, в компании были и девушки, сидевшие за спинами своих приятелей на мопедах, но это не особенно утешало.

Я крепче ухватила Майка за кожаную куртку. Ха, кто бы переживал... Эти ребята понятия не имеют, чем я зарабатываю на жизнь. Так что кто из нас более добропорядочен – еще вопрос.

Майк возглавлял группу. Город, освещенный низким солнцем, летел нам навстречу, тополя и фонари только мелькали мимо. Мотор рычал, мотоцикл трясся и подпрыгивал, словно от избытка энергии. Ветер продувал меня насквозь, но после знойного дня это было приятно. Кварц на своем черном монстре шел следом за Вжиком, ребята на мопедах не отставали. Рев двигателей взрывал тишину вечерних улиц, я видела, как вздрагивали и оборачивались редкие прохожие и как морщились стоящие на балконах граждане. В какой-то мере я понимала Майка и его друзей – в этом сонном городе, наверное, очень хотелось похулиганить, раскатать его, побыть в центре внимания. В мегаполисе это гораздо труднее сделать... да и не так хочется. Там и так все, кому не лень, стремятся выделиться из толпы.

Байкеры промчались почти до конца центральной улицы, повернули направо, на пустынную аллею между длинной чугунной оградой и заросшим парком, попетляли по району хрущевских пятиэтажек, а потом, когда у меня голова уже окончательно закружилась от мельтешения улиц и дворов, оказались в знакомых местах. Я узнала старинные, вросшие в землю домики улицы Мира, сонные березы и тополя. Вот и музей – над входной дверью уже мигает красный глазок сигнализации. Но группа мчалась дальше, до самого пустыря. Потом мотоциклы запрыгали по проселочной дороге, и я сильнее вцепилась Майку в бока. Рюкзачок чувствительно долбил меня по спине. К счастью, продолжалось это недолго – байкеры как по команде развернулись, остановились и выключили двигатели. В уши мне ударила тишина.

– Приехали, – приглушенно сообщил Майк и снял шлем.

Я последовала его примеру. Мы стояли на том самом пустыре, с которого полдня назад директор музея прогонял строительную технику. Только сейчас, кроме нас, здесь никого не было. Частные домики в отдалении выглядели нежилыми. Низкое солнце насквозь простреливало лучами редкий лес на кладбище и золотило травы. А прямо у колес мотоциклов лежали, поблескивая в вечернем свете, гладкие, словно отполированные, камни Вагранского лабиринта.

– Я здесь сегодня уже была, – заметила я.

– Но не с нами, – загадочно ответил Майк.

Ребята и девушки слезли со своих мопедов и столпились возле лабиринта. Я обратила внимание, что они хоть и разговаривали между собой, и перешучивались, но старались особенно не шуметь, словно находились рядом со спящей опасностью. Да уж, место здесь было особенное... от него мурашки по коже бегали, несмотря на все еще сохранившееся дневное тепло.

Коротышка Кварц тоже спрыгнул с байка. Кварц оказался ростом мне по плечо, но телосложения он был совершенно квадратного. Причем толщину ему придавал не жир, а мышцы, угрожающе бугрившиеся под футболкой. Темных очков он не снял. На поясе, украшенном блестящими заклепками, висел нож с изогнутым лезвием и небольшой, игрушечный на вид топорик. Я поняла, что этот тип меня пугает – уж очень необычно он выглядел. Не по-человечески.

– Смотри, – Майк обвел рукой пустырь. – Как ты думаешь, что это?

– Пустырь и археологический памятник на нем, – искренне ответила я.

Столпившиеся вокруг байкеры захихикали, но Майк строго глянул на них, и они притихли. Я почувствовала, что происходящее нравится мне все меньше. Что, черт побери, происходит в этом городишке? Куда ни ткнись, везде какая-то нездоровая таинственность. И какой леший занес меня сюда именно сейчас?

– В чем-то ты права, – тем временем продолжал Майк, – но какая нам разница, что здесь было давным-давно? Да никакой. Главное – что происходит сейчас. А сейчас мы стоим возле ворот, которые с первого взгляда не похожи на врата. Но они ведут к истинной свободе.

Ох, что-то подобное я слышала совсем недавно...

– Не в том смысле, – ухмыльнулся Майк, поняв, о чем я думаю. – Забудь про Братство Хаоса. Это все дешевые фокусы. Истинная свобода – здесь. Пойдем, я помогу тебе найти ее.

– Зачем это? – не было у меня никакого желания обрести дополнительную свободу.

– Ты пока даже не знаешь, что тебя там ждет, – засмеялся Майк. – Поверь, увидев однажды другие миры, ты уже не захочешь возвращаться. А там, за вратами – бездна других миров. И все они будут нашими.

Я медленно обвела взглядом собравшихся. Они слушали Майка внимательно, и видно было, что они верят ему. Совсем так же час назад слушали Старшего Брата адепты оккультной секты... Что, у них тоже – коллективное умопомешательство, как у этих самых магов Хаоса? Или здесь весь город спятил?..

Пугаться я уже устала, но сбежать захотелось немедленно. Какого лешего я здесь делаю? Мне, в конце концов, надо картину искать.

– Пойдем, – Майк мягко взял меня за руку. – Ты приехала сюда с нами, ты теперь одна из нас. Каждый из этих ребят проходил через врата... пойдём.

Да... Сбежать вряд ли получится, да еще и разозлю братца с его компанией. Отговориться – тоже вряд ли. Очень уж они все похожи на психов. К тому же, возможно, добрые отношения с Майком и его приятелями мне вскоре пригодятся. Ведь я никого больше здесь не знаю... В конце концов, решила я, пройду как-нибудь этими «вратами» – стояла же я рядом с нарисованной звездой во время обряда Братства Хаоса, и ничего, не пострадала.

На вид каменный лабиринт ничего особенного собой не представлял: обычный для древнего мира лабиринт, такие еще называют критскими лабиринтами. По форме он напоминал каменное древо со стволом-крестом и полукруглой кроной из параллельных линий-ходов – эту форму удачно обыграл в своих картинах Порфирий Бесчастный. Единственная, пожалуй, странность: черные камни выглядели гладкими и блестящими, словно лабиринт был выложен вчера, а не сотни лет назад. Ни мох, ни лишайники не росли на камнях, и время не оставило ни одной отметины... Сооружений, подобных этому, довольно много в Скандинавии и по берегам Белого моря, но здесь, на Урале, лабиринт один. Так, по крайней мере, было написано на сайте местного музея. Это еще ни о чем не говорит – может быть, есть и другие, просто их пока не нашли. В прочих каменных лабиринтах, насколько мне было известно, никакой чертовщины не водится, несмотря на разные поверья. Понадеюсь, что и в этом ничего страшного нет, но при малейшей опасности буду бежать без оглядки...

Майк нетерпеливо посмотрел на меня.

– Хорошо, сейчас, – я сбросила рюкзачок и пристроила его на сиденье Вжика. Мне показалось, что мотор его чуть слышно мурлычет. Потом Майк взял меня за руку, и мы вместе подошли к лабиринту.

Возле самого входа я ощутила странное, все возрастающее напряжение. Почему-то вспомнился школьный учебник физики, раздел «Электромагнитные явления». Был там рисунок электромагнита с линиями магнитного поля, которые становились тем гуще, чем ближе к магниту располагались. Напряженность возрастала. Что-то подобное я почувствовала и

сейчас. Как будто от лабиринта тоже исходило некое поле, напряженность которого возле камней стала особенно велика. Вот почему мне здесь так неудобно...

Но, прежде чем я решила, та ли это ситуация, когда надо спастись, или еще не та, Майк внезапно толкнул меня вперед. Я по инерции пробежала несколько шагов по траве между двумя линиями камней и остановилась.

Ничего вокруг не изменилось, только щекочущее чувство напряженного поля стало очень сильным, словно сквозь меня протянулись тысячи и тысячи тонких нитей. Наверное, я могла бы проследить направление каждой из них, толщину, структуру – если как следует сосредоточилась бы. От этого ощущения меня едва не затошнило. Я стояла, боясь пошевелиться. Столпившиеся вокруг лабиринта байкеры захопали, как будто я совершила невесть какой подвиг. И что, это все?..

– Сейчас... – пробормотал Майк, роясь в кармане. Наконец он нашел, что искал. – Дай руку.

Я протянула ему руку – он вдруг крепко схватил меня за запястье, вывернул его и сильно ударил чем-то в подушечку большого пальца. Палец пронзила боль.

– Ты что, идиот?! Больно же... – я попыталась вырвать руку, но безуспешно – братец сжимал ее мертвой хваткой. А в другой руке он держал небольшой нож с испачканным кровью лезвием. Моей, между прочим, кровью! Нет, они здесь все психи, это точно!..

– Терпи, – Майк выпустил наконец мою руку и ободряюще похлопал меня по плечу. Я отшатнулась. – Врата открывает кровь, Галя. Только кровь. Ты же понимаешь, я не мог тебя предупредить заранее... Ну, и потом, вспомни Братство – они активизируют магию точно так же. И ничего, никому плохо не становится.

– Да вы тут все с ума посходили... – начала я и споткнулась на середине фразы. Чертовщина в лабиринте все-таки имелась...

Капли моей крови падали на черные камни и впитывались в них без следа – так же, как совсем недавно впитывалась кровь в лучи нарисованной октаграммы. Воздух вокруг лабиринта сгустился, подернулся мутной дымкой. Я теперь с трудом различала фигуру Майка, а компанию байкеров, стоящую за пределами каменного круга, и вовсе перестала видеть. Кажется, братец что-то мне кричал, но из-за оглушительного стука сердца я его не слышала. А потом дымка образовала что-то вроде вихря, облачно-грозового, плотного, медленного. Тут мне стало совсем дурно. Я подняла голову и чуть не упала: в сердце вихря надо мной уже не было бледно-голубого вечернего неба. Небо потемнело, и сквозь него проступили... даже не звезды, целые сферы, мягко сияющие где-то в неизмеримой высоте. Их было бесчисленное множество. И все они двигались. И все они издавали едва слышный, мелодичный, хрустальный перезвон.

«Я брежу, – растерянно подумала я. – У меня галлюцинации. Может, у него лезвие ножа было чем-то таким смазано... или это от недостатка кислорода».

Дышать и вправду стало трудно. Поле, напряжение которого я ощущала как тысячи протянутых сквозь меня нитей, стало скручиваться, растягиваться, изгибаться – словом, делало все, чтобы меня стошнило прямо тут же. Лабиринт показался мне огромной штопкой, сшивающей вместе пространство и время, а заодно прищипливающей к ним и меня.

Я изо всех сил сдерживалась, чтобы не упасть на колени и не вывернуться наизнанку. Мгла сгустилась вокруг, я уже не видела ничего, кроме нескольких камней впереди и нескольких камней позади. Стоять на месте было невыносимо. Лучше уж идти... Мне показалось, что так будет правильно. Как будто лабиринт сам подталкивал меня. И я пошла вперед, кое-как переставляя ноги.

До конца линии, поворот, обратно по тропинке более длинной, опять поворот, потом – по более короткой... Кровь стучала в ушах. Мгла сжималась вокруг все плотнее. Я была слишком занята тем, чтобы не упасть, и не считала ряды, поэтому кончились они не ожи-

данно. Я остановилась в центре лабиринта, на круглой площадке внутри маленького каменного кольца. Вихрь не исчез – он словно уплотнился, обрел материальность и при внимательном рассмотрении внезапно оказался стеной, плотно сложенной из темных гладких камней. Я почувствовала, как тошнота медленно отступает. Гул в ушах затих, и я услышала тишину, свист ветра, далекий металлический стук, словно кто-то работал молотком. Где-то вдалеке перелайвались собаки. Небо было усыпано тысячами звезд, а ближе к зениту серебряной монеткой лежала полная луна. Но и луна, и ночное небо отделены были от меня частой сеткой из колючей проволоки – откуда-то снаружи на нее падал красноватый отсвет, делаая ее заметной. Воздух пах печным дымом, мазутом и чем-то неуловимо горьким, незнакомым. А еще было холодно.

Что, к лешему, происходит? Где я?

– Майк!.. – слабо позвала я, но никто не ответил.

Я машинально взглянула под ноги – трава исчезла, сменилась мелким гравием. Я потрясла головой. Нет, это уж слишком... Что обычно делают в таких случаях в кино? Рыдают? Зовут на помощь? Бьются головой о стену? Я ущипнула себя за локоть – больно! Но это еще не означало, что я по-прежнему в здравом уме.

Где-то близко раздался шорох – словно кто-то крался за стеной.

– Майк?.. – снова позвала я и тут же об этом пожалела. Если уж в первый раз никто не откликнулся, вряд ли откликнется во второй. А еще было совершенно ясно, что Майка тут нет.

Шорох повторился. Почему-то дольше гадать о том, что происходит, мне не хотелось – хотелось бежать, как можно скорее и как можно дальше. Я сделала шаг и осторожно выглянула из-за угла. Там был узкий коридор, через десяток метров плавно куда-то поворачивавший. А в конце коридора...

В конце коридора черной тенью обозначилась тварюга, очень напомнившая мне Роки массивностью и тускло светящимися красными глазками. Завидев меня, тварь поднялась на мощные лапы и неторопливо потрусила навстречу. Вряд ли для того, чтобы в восторге облизать мне лицо...

Я отступила обратно на тесную круглую площадку... черт, до сетки высоко, а другого выхода отсюда нет. Я вжалась в холодную стену. Бежать некуда. Отбиться – ну или хотя бы попытаться отбиться – нечем. Это что – мне теперь умирать? От зубов собаки? Неизвестно в каком месте?!

– Майк!!! – завизжала я. Рядом раздался громкий хлопок – словно лопнул надутый пакет.

– Хонг, стоять! – крикнул братец, хватая меня за плечи и отодвигая назад. – Стоять, фу! Свои!

Зверюга, уже добежавшая до угла, недовольно взрыкнула. Этот рык я долго еще буду слышать во сне...

– Сидеть, – приказал Майк. Тварь села в проходе и с сожалением облизнулась.

Из-за стены послышались неторопливые шаги, и через минуту перед моими глазами предстал человек в грубой кожаной куртке и брезентовых штанах. Он был совершенно лыс, но его голову и лицо украшало такое количество шрамов, что они вполне могли сойти за маску. В полутьме, в красноватых загадочных отсветах он выглядел устрашающе. Я на всякий случай спряталась за спину Майка.

Ничего зорного не вижу в том, чтобы вовремя удалиться.

– А, Майк, – хрипло рассмеялся незнакомец, постукивая себя по сапогу коротким хлыстом. – Что ж ты не предупредил, что не один придешь? Хонг разволновался.

– Прости, Хлыст, – Майк картинно развел руками. – Как-то внезапно все получилось. Не хотел вас напугать.

– Нас? – переспросил Хлыст и расхохотался от души. – Да ты шутник... Ну, раз пришел, то заходи. И подружку прихватывай.

Он свистнул, и зверюга, встряхнувшись, потрусил по узкому коридору впереди него. На затылке у нее тускло блеснула прямоугольная металлическая пластина. Как у Роки. От чего это их так лечили, интересно? Мозг удалили? Вообще-то непохоже... Мы с Майком шли следом. Я была в таком смятении, что слова не могла из себя выдавить. Только смотрела по сторонам.

Похоже, что мы все еще оставались в лабиринте, только этот лабиринт состоял из темных каменных стен и узких проходов. Никаких ориентиров в нем я не заметила, так что несведущий человек мог запросто заблудиться. Мы шли и шли, сворачивая из одного коридора в другой, точно такой же, – так что вскоре у меня уже закружилась голова. Наконец Хлыст привел нас к выходу – короткому подземному тоннелю с дощатым потолком, куда поднималась грязная деревянная лесенка и исчезала в темном люке. К моему удивлению, Хонг преодолел лесенку играючи.

Мы поднялись и очутились в просторном, но низком помещении со стенами, обшитыми грубо оструганными досками. Большие окна были закрыты снаружи плотными ставнями. С потолка свисала одна-единственная тусклая лампочка. Пахло пылью, псиной и немывыми человеческими телами. Четверо мужчин, одетых в мешковатые куртки, сидели за старыми компьютерами, установленными на длинном столе у стены. На спинах курток был намалеван странный знак: стилизованный глаз, а в нем – Звезда Хаоса. Нет, далась им тут всем эта звезда... Двое охранников с винтовками стояли в карауле у грубо сколоченной двери. Остальные бродили по комнате и разговаривали – примерно так же грубо и с тем же лающим акцентом, что и Хлыст. Хонг лег у дальней стены и закрыл мерцающие глаза, отчего стал сразу похож на темную кучу мусора.

Когда мы вошли, разговоры мгновенно стихли. Присутствующие все как один пристально посмотрели на меня, и мне это совсем не понравилось. Да и сами они выглядели довольно неприятно, ничуть не лучше нашего покрытого шрамами провожатого. Одеты все в потрепанную темную одежду, похоже, очень грязную, а такое выражение лиц, как у них, могло бы быть у волков, прими они вдруг человеческий облик.

Потом я увидела прислоненные к стене арбалеты – большие, явно самодельные и постоянно используемые, судя по прикладам, потемневшим там, где их чаще всего касались руками. Арбалеты. Ну да. Тут мое чувство реальности мигнуло и отключилось, и мне оставалось только наблюдать разворачивающееся передо мной кино. Потому что ничем другим это быть просто не могло.

– А, Ходок! – один из мужчин подошел ближе. На плечи его был накинут длинный кожаный плащ. Судя по манере держаться, он был здесь за главного. – Мы не ждали тебя сегодня. Что-то срочное?

– Захотел в гости, – развязно ответил Майк. – Подругу привел познакомиться. Галя, это Вилор. Вилор, это Галя. Она тоже ходок, сечешь, да? Не все мне разрываться между той и этой стороной, работа, знаешь ли, хлопотная...

Майк болтал как попугай, но я чувствовала, что он на взводе. Он не доверял этим людям – больше того, он их смертельно боялся. Если бы они захотели, от нас с ним и мокрого места не осталось бы. Но почему-то они терпели его, хотя, судя по обстановке, особенной гуманностью тут никто не отличался.

Вилор окинул меня оценивающим взглядом – как будто ледяной водой окатил. Глаза у него были очень светлые, злые – глаза человека, способного на все. Отморозок. Мне стало так страшно, что зубы против воли мелко застучали.

– А я уж думал, ты ребятам подарок привел, – холодно усмехнулся Вилор. – Хорошо, что предупредил...

– Я вам что, добрый волшебник, что ли? – картинно возмутился братец. Остальные захохотали. – Ладно-ладно, я волшебник. Держите, парни!

Он жестом фокусника извлек из кармана джинсов пачку «Уинстона» и кинул мужчинам, сидевшим за компьютерами. Один из них ловко поймал сигареты, и за столом началась тихая дележка.

– Вилор, я чего пришел-то, – тихо сказал Майк. – Во-первых, у меня зарядка у байка кончилась, надо бы пополнить. Во-вторых... вот, Гале хочу здешние места показать. Она тоже будет ходить, а то я один не справляюсь.

Я, даже если бы и хотела возмутиться, сейчас не смогла бы. К тому же чувство реальности и здравый смысл взяли отпуск, так что некому было кричать: «Что значит ходить? Я на такое не подписывалась!»

– А ты спросил у кого-нибудь, нужна она нам здесь? – хмыкнул Вилор.

– Ходоки – большая редкость, ты не знал? – заботливо спросил Майк. – У вас – я один. Вы рвете меня на части. И ты еще...

В эту секунду Вилор мгновенно сгреб меня в охапку и приставил к горлу лезвие ножа. Где он его прятал – ума не приложу, еще секунду назад никакого ножа у него в руке не было. Я настолько удивилась, что даже не сопротивлялась.

– Ты кто такая? – прошипел мне в ухо Вилор. – Кто тебя прислал?

Я стояла смирно, только тряслась, а холодное (и наверняка грязное) лезвие у шеи настойчиво возвращало меня в реальность. И эта реальность мне ничуть не нравилась.

Люди в помещении смолкли и обернулись, но посмотрели на нас не со страхом, а с интересом. Как будто подобные сцены были здесь в порядке вещей.

– Никто, я сама... – наконец выдавила я.

– Эй, эй, остынь, начальник, – Майк примиряюще поднял ладони. – Это Галя, моя двоюродная сестра... Ну правда, хочешь, пойдём, спросишь у матери. Или я мать к вам приведу. Ну не веришь – давай я с кем-нибудь схожу за матерью, а она пока у вас побудет. Вилор, да что с тобой?..

– Что со мной?! – прорычал Вилор, и лезвие плотнее прижалось к моей коже. Я попыталась шевельнуться, но Вилор только крепче сжал мне шею. Пахло от него потом и застарелым табачным дымом. – Вчера мои люди поймали лазутчика! Да только неудачно поймали, он умер, мы его даже допросить не успели. Его кто угодно мог послать! Могли банды, а мог и Орден пожаловать!.. Срок вот-вот подойдет, а ты тащишь сюда неизвестно кого! Или ты забыл, сколько мы вложили в дело?

– Вилор, спокойно, спокойно! Откуда я знал, что у вас тут неприятности? Эта девушка – ходок и моя родственница! Она нам поможет! Я же тебе сказал – если не веришь...

– Он правду говорит, – едва шевеля губами, прошептала я. – Спросите его мать...

В тот момент я была готова расцеловать свою молодящуюся тетюшку за то, что она есть на белом свете. Хотя при чем тут она, я никак понять не могла.

– Светлане я пошлю весточку, это верно. И на словах передай ей, что все готово. Ваша девка готова тоже. Но если я узнаю, что ты, Ходок, или твоя девка пялитесь куда не следует, я лично вам глаза вырву! Мне проблемы не нужны!

Майк не ответил, только развел руками: мол, мы все поняли. Вилор что-то рыкнул на неизвестном мне языке и неохотно убрал нож. Я вздохнула глубже. Чувство реальности вернулось, но, похоже, за эти полчаса оно успело как-то измениться. Может быть, вывернуться наизнанку.

Вилор оттолкнул меня и как ни в чем не бывало повернулся к своим. Отошел проверить, как идут дела у тех, что за компьютерами, а про нас с Майком будто сразу забыл. Я поглядела на брата – лицо у него было белое, как стенка. Я и сама ощущала подозрительную неуверенность в ногах.

– Не стой столбом, – Майк потянул меня за собой, и мы вышли из тускло освещенной комнаты в ночную тьму. Охранники у дверей нам не препятствовали.

– Ты мне сейчас же объяснишь, что... почему... – я вцепилась ему в руку. Голос против воли звучал жалобно.

Майк посмотрел на меня, потом зачем-то на небо и покачал головой.

– Если бы курил – закурил бы... Умеет Вилор людей пугать, – заключил он.

Я наконец разозлилась. В конце-то концов, это Майк все устроил, вот пусть и объясняется!

– Что, к лешему, здесь происходит?! Я никуда не пойду, пока ты мне не скажешь!

Майк значительным жестом указал наверх, я подняла глаза и поняла, что смотрел он вовсе не на небо. Над дверью была установлена видеочкамера, и красный глазок записи недвусмысленно сообщал, что мы под наблюдением.

– Пошли, – братец шагнул с крыльца. – По дороге поговорим...

Майк прошел мимо ворот, открытых нараспашку. За ними убегала вдаль проселочная дорога с глубокими колеями, в которых лежали густые тени. Я оглянулась: за бревенчатым домиком, откуда мы вышли, виднелась плоская черная громада лабиринта, огороженная светлыми каменными стенами. Выглядело это все так, будто на месте лабиринта была когда-то площадь или большой двор. Над лабиринтом несли дозор четыре сторожевые вышки. На одной из них горел костер. Так вот откуда этот красноватый отблеск на колючке... За стенами громоздились гигантские земляные валы – насколько они велики, в темноте я разглядеть не могла. Казалось, что окружающую местность просто взяли и смяли, как носовой платок.

Братец ухмыльнулся:

– Интересно, да? Это, Галка, другой мир. Не Земля, не Марс и не какая-то другая планета в нашей вселенной. Совсем другой мир. *Не наш.*

Подождав, пока я переварю новости, братец продолжил:

– Меня называют ходок, потому что я могу переходить из одного мира в другой и мне для этого не надо ни амулетов, ни обрядов. Я тут один такой был... а теперь и ты появилась. Я, когда тебя в лабиринт пускал, даже не предполагал, что ты дойдешь до конца. Обычно дальше дымки дело не движется, а еще ребят тошнит и видения всякие бывают... ну, тогда я захожу в лабиринт и вывожу их оттуда. Типа проверка закончена. Но чтобы до конца пройти... – Он покачал головой. – Да, ты тут всех напугала. Откуда ж я знал, что так получится...

Я так ничего и не поняла. Другой мир? Вот *это* – другой мир? С собаками-киборгами, арбалетами и психами со Звездой Хаоса на одежде? Не так я себе все это представляла. То есть слишком уж это все напоминало постапокалиптический фильм. Настолько, что казалось ненастоящим. Может, это действительно какой-то хитрый розыгрыш? Но ради чего? Я не понимаю... Потом я вспомнила мглу в лабиринте и черное небо, полное огромных полупрозрачных сфер, движущихся по запутанным орбитам. Я могла поклясться, что это мне не привиделось, хотя картина была достойна скорее кошмарного сна, чем реальности. И чем ее объяснить? Хотя, может быть, всего лишь галлюцинация...

– Майк, – спросила я, догоняя братца, – слушай... Когда я шла через лабиринт, я посмотрела на небо...

– А, сферы, – хмыкнул Майк. – Незабываемо, да? Я когда в первый раз увидел, перепугался до смерти. Мне сказали, что каждая сфера – такой вот мир, представляешь?

– Оупеть, – только и пробормотала я.

Майк привел меня к подножию гигантского земляного вала, поросшего редкой травой. Там теснились дощатые домики, напоминавшие снятые с колес строительные вагончики.

Один из них точно был когда-то таким вагончиком, но откуда он взялся в этом якобы другом мире?

Никаких фонарей, понятно, вокруг не наблюдалось, окрестности освещала только бледная луна, а возле домиков падали на траву желтые отсветы, пробивавшиеся сквозь щели в ставнях. Изнутри время от времени доносился металлический стук, жужжала дрель и что-то шипело.

– Мастерские, – пояснил Майк. – Здесь никогда не спят. Схарматы – те, кто охраняет лабиринт, – все время чем-то заняты. То мелким ремонтом, то новых мехов варганят. Сейчас, мы быстро...

В этот момент из-за вагончиков кто-то вышел и направился к нам. В темноте было не разобрать, кто это, но двигался он странно, тяжеловесно, словно под давлением тяжелого груза. Рядом на поводке бежала большая собака.

Майк схватил меня за руку.

– Стой и молчи, – прошипел он.

Когда человек с собакой приблизились и я смогла как следует разглядеть их в слабом лунном свете, меня едва удар не хватил. *Это* не могло быть человеком. И собакой, если уж на то пошло. *Это* вообще не должно было существовать. Но, несомненно, в каком-то родстве с человеком *это* находилось.

Тот, кого я поначалу приняла за человека, был слишком велик, слишком накачан. Огромные мышцы буграми вздувались под просторной курткой, а бритая голова казалась неестественно маленькой, едва заметной на мощной, словно дубовый ствол, шее. Маленькие глазки существа равнодушно осмотрели нас с Майком. А вот тот, кто бежал на поводке... Может, он был собакой. Может, помесью собаки и человека – я не знаю. Передвигалось это жуткое создание как вставший на четвереньки человек, только слишком проворно для человека. Оно было одето в нечто напоминающее собачий комбинезон, а морда спрятана под глухой темной маской, открывавшей только голый нос.

– Уроды, – прошептал Майк. – Стой, не шевелись.

Мог бы и не уточнять – я и так приросла к месту. Получеловек-полупес приблизился к нам, обнюхал вначале Майка, потом меня – я затаила дыхание, – а потом они так же неторопливо удалились во тьму, оставив нам страх и резкий запах пота. Человеческого пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.